

Сергей Панарин
У реки Смородины
Серия «Очарованный дембель», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164787
У реки Смородины: Крылов; Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-9717-0595-6

Аннотация

Из мира, который мы привыкли называть своим, пинок пьяного десантника может забросить в немыслимую даль волшебной реальности, откуда выбраться будет совсем не просто.

Братья Емельяновы ехали домой на дембельском поезде, и жизнь им казалась сказкой. Кто же знал, что настоящая сказка совсем иная и в ней близнецам предстоит пожить и как следует потрудиться! Вместо заслуженного отдыха демобилизованных воинов ждут ратные подвиги в защиту страны, чье знамя когда-то внушало ужас и уважение. Но перевелись на земле расейской богатыри, и пришла пора смуты и раздоров. Народ заждался появления прославленных древних ратоборцев. Они прибыли очень вовремя, когда над миром нависла смертельная опасность, когда он вот-вот сгинет под пятой чудовищного повелителя ада.

Новоиспеченным витязям и не снилось, что может прятаться за лесом, буднично мелькающим в окне вагона.

Дембель, он и в сказке дембель!

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	28
Глава четвертая	40
Глава пятая	50
Глава шестая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Панарин

У реки Смородины

Святая Русь – страна деревянная, нищая и... опасная, страна тщеславных нищих в высших слоях своих, а в огромном большинстве живет в избушках на курьих ножках.

Ф. М. Достоевский, «Бесы»

Часть первая Налево – в сказку

Глава первая

В коей простые парни вовлекаются в непростые события

Читатель, вдумайся в эту басню, и тебе станет не по себе.
Даниил Хармс

Как обычно бывает в кино? Идет ночной поезд, стучат колеса, гремят стыки, свистит ветер. Шум невероятный, оглушительный такой шум. И вот дверь последнего вагона распаивается, в мутном свете заляпанной лампочки видны топчущиеся фигуры. Дерутся какие-то люди. Внезапно один из драчунов вываливается наружу, но его ловит чья-то сильная рука, дергает, буквально закидывая обратно в тамбур.

– Держись, братка! – раздается крик, и все его слышат.

А мгновение спустя спаситель сам вылетает из поезда. Вероятно, кто-то подлый толкнул его в спину, как раз когда он выручал неизвестного «братку».

– А-а-а! – неоригинально орет здоровенный детина и обрушивается куда-то на насыпь, катится во тьме и пропадает из виду.

Мелькают тусклые огни вагонных окон, гудит паровоз, грохочет поезд.

Дравшиеся в тамбуре люди замирают. Спасенный рывкает: «Сволочи!» – и без раздумий сигает вслед за выпавшим союзником. Оставшиеся захлопывают дверь. Состав удаляется, лязг, стук и вой стихают. Тишина, потом музыка, титры.

Так бывает в кино. В жизни все произошло абсолютно так же, но без музыки и титров. Пожалуй, еще одно маленькое различие: никто не расслышал ни единого крика, ведь шум-то был невероятный, оглушительный такой шум.

Дрались вшестером, выпали двое. Поезд поехал дальше, и ничего интересного с его пассажирами не приключилось. А вот потерявшаяся пара заслуживает отдельного рассказа.

Почему? Потерпите, пожалуйста, скоро все станет понятно.

За двадцать лет до события с поездом в семье воронежского инженера родились два близнеца – Иван да Егор Емельяновы. Близнецы-то близнецами, а не двойняшки. Совершенно разные. Один, который десятью минутами постарше, был черняв и мил лицом, а второй выдался русоволосым крепышом. Характеры у братьев, как впоследствии выяснилось, тоже оказались отнюдь не родственными.

Инженера весьма озадачил каприз природы, и новоявленный родитель даже подозревал грубую ошибку акушеров, но счастливая мамаша, бухгалтер одного кооператива, заварила мужа:

– Такое бывает, я в «Работнице» читала.

Делать нечего, против «Работницы» не попрешь. Благо Ваня с возрастом стал походить на мамку, а Егорка стал вылитым папкой. Коренное же отличие родителей было в том, что Елена Валерьевна Емельянова слыла исключительно удачливой женщиной, а Василию Ивановичу Емельянову по-хорошему повезло лишь однажды – когда он женился.

В отношении фарта близнецы являли еще больший контраст, чем родители. Ваньке перло отовсюду. Бог помог с умишком и миловидностью не обделил. А если паренек бедокурил, то попадало исключительно увальню-младшему.

Егор не блистал ни рассудком, ни статью. Он уродился необычайно сильным и упрямым. Уже в песочнице Егорка продемонстрировал, какую серьезную потенциальную угрозу он представляет. Несколько раз он едва не покалечил сверстников. Случайно. Емелья-

нова-младшего злить категорически воспрещалось, ведь тогда он действительно мог изувечить. Отец замучился оплачивать чужие машинки, раздавленные ладошкой сына. Невезучесть Егора выражалась во всем. Пойдет гулять – попадет в лужу. Станет рисовать – прольет краски, проткнет бумагу и сломает кисть. Отправят за хлебом – потеряет деньги.

– Признайся, отняли, что ли? – спрашивал Василий Иванович, понимая, что глумит: хмурого бутуза побаивались пацаны на три года старше.

В школе Егора отдали в боксерскую секцию. Природная сила получила должное развитие, прогресс был налицо, но злой рок никак не позволял младшему близнецу достигнуть высоких официальных результатов. То травма перед соревнованиями, то дисквалификация по вшивенькой причине, то за неуспеваемость отлучат от тренировок и поединков. Существует такая мера педагогического воздействия: не хочешь учиться – не будешь тренироваться, пока хвосты не подберешь. А парень-то и не особо старался, потому что был ленив.

К окончанию школы Егор, прозванный за фамилию, лень и невезучесть Емелей, так и не стал кандидатом в мастера спорта. При этом тренеры единодушно утверждали, что малый он с адским потенциалом и его силищи хватит побить сначала всех в стране, а потом и в мире. Вот такой несостоявшийся Валувев жил в Воронеже.

Старший близнец, напротив, блистал талантами. Иван шутя наплавал в бассейне кандидатство, походя получал призы школьных олимпиад, учился более чем хорошо. Лучше всего парню давался футбол. Ваня играл в нападении и порой вытворял такие чудеса, какие не увидишь на чемпионате мира. Даже за областную сборную провел немало матчей. Дальше дело не пошло. Почему? Потому что Иван никогда не напрягался сверх меры, ведь был ничуть не трудолюбивее брата. Просто везло.

Откроет перед уроком учебник, ухватит суть, ответит. Спроси через день то же самое – не расскажет, забыл уже. А если вообще не выучил, то все равно не спросят. Удачлив потому что.

Знаете слово «закрыто»? А «объезд»? «Извините, все продано»? Или «по техническим причинам передача переносится на завтра»? Знаете. А Ваня с детства не знал. Ну, разве что когда с братом Егоркой был. И то редко. Почему? Правильно, фартило.

С девочками у старшего брата складывалось просто счастливо. И подружил, и полюбил, ибо был первым красавцем в классе и пользовался безграничной симпатией всех окрестных ровесниц. Впрочем, девочки постарше тоже носами не вертели. Поэтому то, что принято стыдливо и казенно называть первым сексуальным опытом, Ваня приобрел в седьмом классе с дамочкой из девятого. К вящей зависти приятелей и даже брата. Причина успеха, думается, ясна.

Близнецы не были бы близнецами, если бы не имели похожих черт. Например, оба славились изрядным упрямством. Что еще? Иван в силу ума склонялся к цинизму, но в целом братья слыли добрыми парнями, не чуждыми понятиям справедливости, дружбы и... шкодливости. Хотя всем понятно: нешкодливый пацан –дохлый пацан.

Так они и добрались по детству, отрочеству и юности до выпускного бала. Отгремели фужеры, девки спрятали разорительно дорожные платья в шкафы. Настала пора определяться с будущим.

Будущее – штука хитрая, прогнозам и планированию поддается не часто. Случаются и исключения. Близнецам Емельяновым была кристально ясна осенняя перспектива. Призыв. Оба здоровяки, оба упрямо заявляли, что пойдут в армию. Полная определенность.

Иван за лето успел поступить в сельхозакадемию, Егор – в строительный колледж. Слегка подзаработав, братья влились в ряды призывников. Родина послала их в Зауралье. Там, в заповедном лесу, располагалась база. Разумеется, неоднократно и во всех ракурсах сфотографированная с американских спутников. Безусловно, секретная. Тайга скрывала неизвестно от кого представителей железнодорожных и инженерных войск, а также огром-

ные склады. Вот в батальоне охраны, в третьем взводе первой роты этого батальона и отслужили два брата Емельяновы.

Служба показала, что Иван не растерял своей везучести, а Егор – неудачливости.

Первый стал старшим сержантом, более того, замкомвзводом. Командиры давали ему краткую и по-военному емкую характеристику «толковый раздолбай», а сослуживцы прозвали Ивана не иначе как Старшой. Порядок поддерживает, душа компании, на рожон не лезет, – что еще нужно для успешной службы? Егор же получил позорные для рядового «сопельки» ефрейтора. Сыграли свою роль упертость и несообразительность. Тем не менее младший, к которому так и прилипла кличка Емеля, был на хорошем счету, потому что его физическая мощь и умение без предисловий бить по морде любому количеству противников коренным образом изменили климат в части. Драки попросту прекратились. Кому охота ходить избитым?

Два года пролетели, как быстрокрылая ракета класса «земля – воздух», и в славном месяце октябре близнецы очутились в дембельском поезде.

Представьте себе несколько десятков пацанов, избавленных от муштры, дорвавшихся наконец до свободы, предвкушающих встречу с девками, гулянками и, так уж и быть, с родными. Едут они, распивая запасы спиртного, распевая удалые песни о верных и не очень подругах, хвастаясь совершенными и выдуманными армейскими подвигами. Спорят, иногда дерутся, режут в карты и терзают гитары.

Подвыпившие Емельяновы гуляли по поезду, потому что Ивану хотелось дружить, радоваться и праздновать, а Егор боялся оставлять брата одного. Мало ли что... Еще на службе Старшой раздобыл у приятелей-железнодорожников ключ ото всех вагонных дверей. На профессиональном жаргоне этот ключ называют «выдрой». «Выдра» делала обладателя избранным. К примеру, он мог попасть в запертый сортир. Или отомкнуть входную дверь... Иван любил получать дополнительные преимущества и пользоваться ими – тоже.

Так и получилось, что под утро старший сержант и ефрейтор Емельяновы стояли у распахнутой двери, поплеывая в проносившийся мимо пейзаж, и Ваня отважно курил, стряхивая пепел «за борт». Впрочем, поезд не слишком торопился, не скорый же!

– Смотри, продует, – предупредил Егор, но брат не расслышал.

Ночное опьянение начало развеиваться, оставляя неприятное ощущение во рту и странный гул в голове. Крепкие молодые организмы легко побеждали зеленого змия.

В тамбур ввалились четверо развеселых дембелей-десантников. Им хотелось утверждать первенство своего рода войск и сеять повсюду зерна порядка. Естественно, достигался обратный эффект.

– Э, мазута! – гаркнул самый развеселый. – А ну метнулся, дверь закрыл!

Близнецы не расслышали слов, но по свирепому выражению лиц прочитали, что у ребят есть претензии.

– Идите вы в дуло, – добродушно сказал Иван.

Десантники тоже не разобрали смысла, зато по улыбающейся физиономии Старшого определили вопиющее пренебрежение и издевку.

– Ты че, э? – Самый развеселый толкнул Ивана в грудь.

Егор шлепнул горячего парня в лоб. Группа в тельняшках и беретах подалась назад.

– Бей щеглов! – завопил развеселый, и началась потеха.

Вот как раз в дебюте драки Ивана и толкнули, он поскользнулся и полетел из вагона. Брат-ефрейтор поймал Старшого, но стартовал сам не без помощи десантников.

В очередной раз выяснилось, как удачлив первый и насколько не прет другому.

– Сволочи, – по-прежнему беззвучно произнес Иван, пулънул бычком в глаз синеглазому заводиле и грамотно сиганул за близнецом.

Старший сержант кувырком скатился по насыпи и угодил в старую копну сена.

– Мягкая посадка, – выдавил Иван, поднимаясь на ноги.

В ушах будто бы шипело. Такое случается, если долго терпеть громкие звуки, а потом попасть в тихое место.

На земле валялись солнцезащитные очки-хамелеоны, выпавшие из кармана. Старшой любил эти очки. Они подчеркивали его мужественность.

Поднял и тут же отбросил в кусты:

– Да, жизнь дала трещину. Разбились.

Здесь, в низине, уже скопился утренний туман, хотя небо лишь начало сереть и до рассвета было около часа. Иван четко различил дорогу, идущую вдоль железнодорожной насыпи. Две глубокие колеи с грязными лужами. Парень отметил, что мутная вода не тронута ледком, значит, не особо холодно. Сено, так кстати оказавшееся на обочине, видимо, свалилось с трактора. Значит, где-то рядом есть поля и деревня.

Старшой справился с головокружением и зашагал к месту падения брата. Здесь насыпь отделялась от дороги высокой порослью кустарника. Иван предпочел карабкаться по склону, придерживаясь за него левой рукой. Галька сыпалась волнами, норовила забиться в армейские ботинки.

– Егор! – Пар вырвался изо рта, за клубился, рассеиваясь, словно сигаретный дым.

Шагах в двадцати зашевелились кусты, раздался стон, переходящий в нецензурный возглас.

«Матюгается, значит, живой!» – обрадовался Старшой. В шальной голове крутилась песенка: «Расплескалась синева, расплескалась. По берегам растеклась, по поганам...»

Егор выполз на склон. Штаны и куртку покрывал слой пыли, правое колено было в грязи. Здоровяк оцарапал лоб, к тому же держался за локоть левой руки и морщился.

– Как нефартово приложился! – пожаловался Егор. – Но вроде ничего не сломано.

– Вот и хорошо, – буркнул Иван. – Главное, живы и условно здоровы. А тем козлам я бы сейчас с удовольствием насовал по рылам.

– Или они тебе, – хмыкнул ефрейтор, отряхиваясь.

Братья замерли на склоне – два парня в парадках. Октябрьская ночь медленно отступала.

Шок, испытанный при падении, прошел, и стало зябко.

– А холодно, блин, – хмуро пожаловался Егор.

Старшой кивнул, размышляя, что предпринять:

«Лезть на железнодорожное полотно? Бессмысленно. Идти? А куда? Можно замерзнуть, не добравшись до жилья...»

Иван забрался чуть выше и обозрел темный лес. Во мгле виднелся столб дыма, поднимающийся из чащи в темно-серое небо.

– Дыма без огня не бывает, – усмехнулся Старшой. – А где огонь, там тепло и люди.

– Пойдем, – обрадовался младший.

Они продрались сквозь кустарник, пересекли разбитую дорогу и углубились в заросли.

Осенний лес пахнет особенно – кто бывал, тот понимает. Иван надеялся уловить в этом аромате запах дыма, ведь ориентироваться вприглядку было нельзя. Зато Старшой запомнил направление. Спустя четверть часа бесплодной ходьбы он пожалел о своем скоропалительном решении: «Уж лучше бы пошли вдоль дороги».

– В лесу родилась елочка, – тихо напевал Егор.

Здесь росли действительно роскошные ели – густые, высокие, радующие глаз. Чем светлее становилось, тем больше деталей различали братья. Чуть поодаль было вкрапление березняка. Желтая полоска в темно-зеленом лесу.

Под ногами мягко пружинил ковер из сухих иголок, чешуек коры и мелких веточек. Ходьба слегка согревала, но рано или поздно подошвам придется остановиться. Перспектива

продрогнуть не радовала. Пролетели еще пятнадцать минут, а признаков жилья или костра так и не обнаружилось. Либо братья-дембеля проскочили мимо, либо дымный столб был значительно дальше, чем казалось.

Старшой остановился, Егор-Емеля тоже.

– Давай-ка, Егор, подбьем бабки, – сказал Иван, запуская стылые руки в карманы.

Осмотр дал неутешительные результаты: зажигалка, перочинный нож, полсотни рублей, мобильный телефон и злополучный ключ-«выдра». Егор последовал примеру брата и извлек из своих карманов пятнадцать рублей мелочью, патрон от АКМ и газету «Аргументы и факты». Газета, кстати, принадлежала Ивану.

– Негусто, – пробурчал Старшой, ежась. – Особенно в условиях глухого леса... Подожди-ка!

Его взгляд как раз остановился на газете. Иван протянул руку, Егор пожал плечами и расстался с прессой.

А у Старшого челюсть отвисла – на первом развороте были абсолютно не те заголовки, что Иван прочитал накануне. Более того, сама газета теперь называлась «Алименты и артефакты». Глаза Старшого метались от новостей к анонсам и обратно, а губы шептали:

ГВОЗДЬ НОМЕРА. Рязанская журналистка взяла интервью у Бога.

ПРОИСШЕСТВИЯ. Госпитализирована девочка, ковырявшая в носу. В ходе двухчасовой операции совок удалось извлечь.

ЧИНОВНИКИ. Сумасшедшая служащая загса зарегистрировала браки микробов!

ХАЙТЕК. В Японии разработан новый туалет с искусственным интеллектом. Он не только развлекает вас во время процесса, но и едко комментирует все ваши действия.

О ДУХОВНОМ. Священник-сектант из Колумбии обратил в свою веру плантацию помидоров и назвал ее томатной паствой.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросил Старшой.

– Не-а. Отрыв башки какой-то, – ответил Егор.

– Ладно. – Иван свернул газету и затолкал ее в карман. – Мобила-то твоя где?

– В сумке осталась.

– Угу, плакали наши вещички и бабки. А до дома еще сутки пилить... Если на поезде.

Посмотрев на экран мобильного телефона, Старшой слегка воспрял духом. Диаграмма показывала вполне хороший уровень приема. Денег на счету было достаточно, поэтому Иван решил набрать номер родителей.

В трубке затрещало, пикнуло, и проклюнулся дребезжащий старушечий голос:

– ...ибо нет, не отвечают, али находятся внизу, не в доступе...

Снова защелкало, запищало, прокричало петухом. Иван отнял мобилу от уха, и вовремя – внутри ухнуло, а из-под корпуса засочился сизый дым.

– Капец сотику, – констатировал старший Емельянов.

Он выцарапал сим-карту, выкинул сдохшую трубку под елку. Раздался глухой звук удара, тихий визг, и из-под разлапистых ветвей выскочил крупный заяц-русак.

– Еханный бабай! – невольно воскликнул Иван.

– Такой обед убежал, – пожалел Егор.

Он был парень не пугливый. Скорее вечно голодный.

Старшой покачал головой:

– Тут бы от холода не окочуриться, а ты о еде! Ладно, давай найдем место для костра. Зажигалка-то есть.

Надо сказать, что Иван покуривал, но без фанатизма. Все больше за компанию. Вот и сейчас его только начатая пачка «Явы» ехала в Москву. Хорошо, зажигалка осталась в кармане.

Достигнув березняка, братья облюбовали широкую поляну и принялись собирать сушняк. Егор увидел между елками хлипкий сухостой, отправился заломать пару деревьев. Легко победив первый ствол, здоровяк случайно скосил глаза в глубь ельника. Там, метрах в тридцати, была еще одна поляна, в центре которой возвышалась осина. Рядом горел огромный костер. У костра кто-то стоял, но Егор не разглядел кто.

– Эй, Вань! Дуй сюда! – крикнул младший.

В этот момент Старшой уже сидел над будущим костром и прикидывал, какую часть газеты пожертвовать на растопку. Анонсы ему нравились. Например, откровенно развлек такой: «Найдены неопубликованные тексты Агнии Барто. Сорокин отдыхает!»

Новости тоже бодрили: «Вчера возле магазина модной одежды, пренебрегая правилами дорожного движения, гражданку Петрову задавила жаба».

Услышав зов Егора, Иван сунул газету в карман и побежал к брату. Мало ли куда вляпался этот несчастный увалень?

– Да ты у нас счастливчик! – оценил Старшой находку Егора. – Пошли знакомиться с туристами.

Хозяин костра не был похож на туриста. Скорее он принадлежал какой-то угрюмой секте, членам которой приличествовало носить черные рясы с капюшонами и опираться на массивные посохи.

– Надеюсь, он реально один, – прошептал Иван.

Воронежцы вышли на открытое пространство, затем приблизились к костру. Наконец поравнялись с человеком в рясе. Глаза его были закрыты, губы быстро-быстро шевелились.

«Сатане молится», – решил Егор и сильно-сильно захотел ударить мужика в голову. Ефрейтор не любил сатанистов.

Мужик был немолод. В его черных волосах уже виднелись лоскуты проседи, особенно в бороде – длинной, но не поповской, а какой-то тонкой, разделенной надвое.

– Здорово, земляк, – сказал Старшой.

«Сектант» обернулся и пронзил пришельцев гневным взглядом. Потом воздел длинные жилистые руки к небу, сжал их в острые кулаки и заорал:

– Смерды! Никчемные смерды!

Затем мужик опустил руки, взор его погас, а плечи обвисли.

Егор зыркнул на Ивана, дескать, что делать: в морду дать или пусть пока? Старшой шепнул:

– Погоди.

Меж тем хозяин костра скорчил скорбное лицо и заговорил, глядя на пламя и шмыгая орлиным носом:

– Все псу под хвост... Такое заклинание найти, разобрать, перепроверить, выучить... Годы упорного труда. Ожидание верного часа... Когда теперь звезды встанут положенным порядком? Я всю ночь старательно читал, ошибался, начинал снова... Три часа без запинки... Знаете ли вы, презренные, что мне оставалось изречь последнюю фразу заклинания? Ровно девять слов. Скоро рассвет. Теперь я не успею... В кого бы вас превратить? В лягушек? Нет. Найдется какая-нибудь дуреха-царевна, поцелует, и вот они вы. В чудовища? Какой там! Начнете растить аленький цветочек, заманивать купца. А там и дочка пожалует. Полюбит – опять-таки выпутаетесь. Усыпить вас вечным сном? Концовка будет та же: девка, поцелуй, снятие чар. Да, никчемные смерды, пожалуй, я вас умерщвлю.

После этих слов Емельянов-младший мгновенно исполнил восхитительный удар-крюк, и мощный дембельский кулак сбил «сектанта» с ног, словно ураган былинку. Мужик брякнулся безвольным мешком наземь и затих.

Иван нагнулся над телом, потер свой щетинистый подбородок.

– А чего он угрожал? – с вызовом стал оправдываться Егор.

– А я разве спорю? Бредил, наверное, – ответил Старшой. – Правильно ты его рубанул. Только бы не насмерть, Роки ты наш Бальбоа...

– Не, я аккуратнo. Что я, зверь, что ли? Лишь бы черепушка не гнилая была.

– Свяжи его.

Младший принялся озираться в поисках веревки. Иван поморщился:

– Оторви полосу от рясы.

Пока Егор возился с плененным «сектантом», Старшой размышлял о том, что попавшие в лес люди обычно боятся диких зверей, а стоило бы опасаться отморозков наподобие этого шизика. Заклятия, угрозы... Слава богу, не вооружен. Но такой и покалечить может сдуру. Хорошо, что есть младший брат, терминатор из плоти и крови, не раз выручавший в детстве, да и в армии тоже.

Во всяком случае, с дедами проблем не было. Сразу после учебки Емельяновы попали в батальон охраны. В их взводе навели порядки старослужащие во главе со старшим сержантом Тупорылкиным. Изрядно тупой фрукт, претендующий на роль креативного лидера зажавшейся шпаны. Он планомерно измывался над первогодками. К прибытию близнецов Тупорылкин как раз изобрел нечто новое. Нет, не классическую зубную щетку и чистку галюна, а ультрановое, впрочем, более легкое, но не менее унижительное. Тупорылкин видел в какой-то передаче, как по Москве ходят дворники и, нанизывая мусор на специальную заостренную палку, собирают его в пакеты. Ущербная фантазия «дедушки» родила новый метод «постройки соловьев»: на плац высыпались ненужные бумажки, а первогодка вооружался зубочисткой и ползал, загружая хлам в пилотку.

Правда, дальше проекта издевательство не зашло. Тупорылкин сотоварищи решили испробовать новацию на рядовом Иване Емельянове. Откуда им было знать, что спокойная фраза красавчика-первогодки «Егор, иди сюда, тут груши поспели» станет адским приговором.

Младший отработал быстро, деды попали в лазарет, и в тот самый час негативные неуставные отношения в роте практически прекратились.

Вот такую трогательную историю припомнил Иван, наблюдая за сноровистым трудом Егора. Потом близнецы подсели к костру и стали греться.

Жар согрел дембелей в считанные минуты. Иван даже расстегнул китель. Под ним обнаружилась майка со стилизованным портретом самого раскрученного революционера в мире и надписью: «Come on, Данте! Че Гевара».

Егор не спускал с пленного глаз. Наконец мужик зашевелился, закричал, ворочаясь и пытаясь подняться.

– Не трепыхайся, зема, – посоветовал Старшой. – Ты себя неправильно повел, грузить начал, а мы люди мирные. Нам, представь, помощь нужна.

– Да, она вам очень скоро понадобится, ибо я – великий ведун, испепеляющий словом, – процедил сквозь зубы «сектант».

– Вань, он опять угрожает, – вроде как пожаловался Егор, хрустя суставами пальцев.

– Пусть поговорит. Может, полегчает. Если бы ты был великим колдуном, ты бы стал заявлять об этом каждому встречному? Да еще и со связанными ручонками?

– Гы! Не-а. Я бы сразу в бубен. Словом испепеляющим.

Бородач слушал эту невинную беседу внимательно и, чувствовалось, делал выводы.

– Ну что, потолкуем, земляк? – дружелюбно обратился к нему Иван.

– Потолкуем, – смирился пленник.

– Ты моего братана извини, он не любит, когда нам угрожают. Нас так батя воспитал. И твои занятия прервать мы, ей-богу, не планировали. Ну, не повезло тебе. Отнесись к этому происшествию философски. Знаешь, есть такие монахи в Тибете. Они разноцветным песочком по несколько лет высыпают огромную картину мира. Не подумай, что я матюгаюсь, но ее называют мандалой. Слышал о такой?

– Нет, – признался мужик.

– Так я и предполагал. Деревня, – кивнул Старшой. – Монахи, значит, мандалу эту песочком нарисуют, а потом, когда она готова будет, сами же и сметают, чтобы взяться за новую.

– Сущая бессмыслица, отроче, – произнес бородач.

– Не согласен. Они учатся смирению и делают мир лучше... А, забудь. Лучше подкажи, где мы находимся и как попасть в ближайший населенный пункт?

– А вы откуда, с луны свалились? – «Сектант» прищурился.

– Странно, я то же самое о тебе подумал, – ответил Иван. – Мы от поезда отстали. Ответь на вопрос, не зли моего брата.

Для усиления воздействия Егор скорчил лютное выражение лица. Мужик поежился.

– Мы с вами в пограничном лесу Задолья. Раньше буквально за тем пролеском был хутор Плющиха, но полсотни лет назад Яга его покинула. Теперь там никто не живет. Стало быть, идти вам нужно туда, откуда явились. Через полдня достигнете первого села Тянитолкаевского княжества. А оттуда день конного пути до самого Тянитолкаева.

Старшой обратился к брату:

– Моя догадка верна, он шизик.

– Согласен. Или прикидывается.

– Слышь, зема, – продолжил беседу Иван. – Брось издеваться. Какое княжество? Какая Яга? Я о Тянитолкаеве впервые слышу.

Пауза затянулась. Пленный молчал, буравя черными глазами Старшого. Егор перестал щелкать суставами. Лишь трещал костер да чирикала неподалеку назойливая птичка.

– А вы воистину нездешние, – промолвил мужик. – Зрю, братья вы. Чую, не от мира сего.

Близнецы ошеломленно переглянулись. Неведомый шизик был чуть ли не первым посторонним человеком, с ходу распознавшим их родство. А еще Иван вспомнил газету «Алименты и артефакты» с мобильным телефоном и стал подозревать, что с ума сходят как раз они с братом, а не это чучело в рясе.

– Ты из какой секты? – сипло спросил Старшой.

– Прости, не понял.

– Ну, почему в таком наряде? Чем тут занимался-то?

– А! Так ведун я. Отшельничаю, науку колдовскую постигаю. Зовите меня Перехлюздом.

– Хорошее имя для мальчика, – хмыкнул Иван, и Егор гоготнул.

А Перехлюзд собрался с силами, глубоко вздохнул и прошипел:

– Спать!

Старшой удивленно моргнул и вдруг понял, что на него накатывается непреодолимая волна сна. Иван свалился, чудом не укатившись в костер, и засопел. Младший тоже почувствовал действие чар, только оказался крепче брата.

– Ах ты, суппорт с фартуком! – сказал он Перехлюзду. Это ругательство парень изобрел, когда подрабатывал токарем.

Шаг к ведуну показался Егору деянием, тянущим на подвиг: ватные ноги не слушались, тяжелая голова клонилась на грудь, руки повисли плетью. Собравшись с силами, дем-

бель-исполин сжал правую кисть в кулак, шлепнулся перед Перехлюздом на колени и вмазал ему в глаз.

Удар получился так себе. Для Егора. А ведуну как раз хватило, чтобы очутиться в новом нокауте. Чары мгновенно рассеялись. Емельянов-младший потряс русыми вихрами, пару раз по-боксерски шлепнул себя по щекам. Очнулся и Старшой.

– Еле успел, – сказал Егор, передергивая могучими плечами.

– Ну, точно сектант. Гипнотизер хренов. – Иван поднялся на ноги. – Мотать надо. Очухается, пусть сам выпутывается.

– А куда пойдём? В этот, как его, Тянитолкаев, что ли?

– Обратно к железной дороге. Там еще проселочная была. Должна же она куда-то вести, правильно?

– Ага.

Близнецам не хотелось покидать костер, но рассиживаться тоже не годилось. Братья-дембеля потопали туда, откуда пришли. Они не заметили, как Перехлюзд приоткрыл глаза, прошептал заклинание и дунул им вслед. Пар, вырвавшийся изо рта ведуна, приобрел очертания головы неведомого злобного демона и растаял. Лишь тонкая прядка потянулась за обидчиками чародея, но и она истлела в сыром утреннем воздухе.

Иван засек по часам время. Уже рассвело, день обещал быть теплым и солнечным. Спустя расчетные полчаса насыпь не появилась. Емельяновы выросли в городе и не особо умели ориентироваться в лесу, елки – они и есть елки. Однако Старшой не сомневался: шли правильно, в сторону не забирали, так что железная дорога должна была вот-вот появиться. Тем не менее проклятая «железка» пропала.

Ведь от нее просто обязаны были разлетаться звуки стучащих по стыкам составов! И – тишина...

– Чертовщина какая-то, – сказал Иван еще через пять минут. – Ну, хорошо. Туда мы шлепали замерзшие и испуганные. Обратно – согретые. Вероятно, сейчас двигаемся медленнее. Но не сильно. А это означает...

– ...что мы заблудились, – закончил Егор, пряча руки в карманы.

В звуки просыпающегося леса – переключку птиц, потрескивание коры и падающих веточек, шелест ветерка – ворвался странный утробный стон.

– А не тепловозный ли это гудок? – радостно воскликнул Иван. – Но откуда?

– Кажись, слева, – предположил младший.

– Я тоже так решил. – Старшой тут же изменил направление, Егор не отставал.

Примерно через километр заросли стали гуще, потому что начались вкрапления лиственных деревьев. Стали попадаться низины, окруженные кустами. Ивану категорически не нравилось то, что он видел. Ведь ни оврагов, ни осин возле железной дороги не было. Невезучий Егор не заметил ямки, присыпанной сухой листвой, оступился и слегка подвернул ногу. С его весом немудрено. Пришлось сбавить обороты.

Братья спустились в одну из низин, чтобы не обходить ее, теряя время. Стоило им поравняться с тополем, чьи корни торчали из склона оврага, образуя подобие шатра, как оттуда выкатилось мерзкое существо. Оно заорало глубоким басом, напомиавшим гудок паровоза. Испуганные близнецы отпрянули.

Существо встало, растопырило скрюченные пальцы и двинулось на дембелей. Те оправились от шока и осознали, кто их атакует. Это был грязный синюшный мужик среднего роста, с желтыми глазами и сиреневыми губами, патлатый, с длинными ногтями, похожими на когти. Человек скалил гнилые зубы и болтал черным языком.

– Мертвец! – сорвался на фальцет Иван.

Егор шагнул к умруну и нанес ногой небывалой силы удар в его хлипкую грудь. Покойник лишь пошатнулся. Ефрейтор Емельянов застыл, не понимая, как после такого пинка можно остаться на ногах.

– В стороны! – скомандовал Старшой.

Близнецы разбежались. Мертвяк, не колеблясь, стал преследовать Ивана. Усопший не проявлял сноровки и быстроты, но действовал целеустремленно. Его плавные, но неотвратимые движения завораживали, подавляя мысли о сопротивлении. Остановившийся было Старшой стал пятиться. Он, разумеется, рисковал оступиться, что и произошло.

Иван с размаху сел в листья, а покойник без промедления бросился на него. Завязалась борьба. Смерд разлагающегося тела был невыносим. Парень, оказавшийся внизу, боролся с мертвецом молча, все силы уходили на то, чтобы не допустить размеренно клацающую пасть к рукам и шее.

Емельянов-младший потерял несколько секунд, таращась на возню брата и умруна. Потом разбежался и смачно пнул ужасного мужика по ребрам. Они сломались с утробным хрустом, но покойник даже бровью не повел.

Егор схватил его за патлы, но грязный клок вместе с лоскутом кожи остался в руке. Мертвец начал одолевать Ивана. Тогда крепыш-ефрейтор взялся за скользкие синюшные плечи покойника и принялся отгаскивать монстра от брата.

Сначала мертвяк будто и не заметил усилий Егора. Затем стал сдавать позиции, тем более младший уперся коленом в изъеденную язвами спину.

Покойник злобно зарычал, высвободил одну руку и схватил ефрейтора за левую ногу.

Воспользовавшись послаблением, Иван ткнул мертвяка пальцами в глаза. Противно чавкнуло, и Старшой чуть не потерял сознание от усилившейся вони. Наглый усопший дерганул ногу Егора, отчего тот шмякнулся навзничь, отпуская плечи монстра.

Ослепший покойник приблизил ефрейторскую ногу к своей роже и нацелился на укус. В последний момент Иван врезал мертвяку в скулу, и тот впился зубами в каблук армейского ботинка, хотя поначалу примеривался к лодыжке.

Егор влепил свободной ногой в мерзкое тело, одновременно дергая левую на себя. Гнилые зубы хрустнули, умрун взвыл, поднимая голову к небу.

От безысходности Старшой стал шарить по земле и наткнулся на какую-то хлипкую палку. Не раздумывая, он вонзил ее в грудь покойника. Палочка вошла, как нож в масло. Мертвец вякнул и обмяк, выпуская ногу Егора и валясь на Ивана. Старшой спихнул с себя побежденного монстра, встал на четвереньки. Емельянов-младший сел, растирая голень.

– Не рука, а клещи. Чуть не раздробил, – пожаловался он брату. – А как это ты его?

– Палочкой. Вот тут валялась.

– Повезло, – прошептал Егор.

Иван посмотрел наверх. Над местом схватки склонилась осина. Усмехнулся:

– Это точно. Считай, готовый осиновый кол валялся. Они, кажется, от мертвецов помогают, так?

Ефрейтор помолчал, потом тихо спросил:

– Как думаешь, братка, это мы с ума спятили или Россия?

Глава вторая

В коей братья-дембеля начинают путешествие, а Старшой мучается, строя сумасшедшие гипотезы

– Что это ты выдумываешь? – строго спросила Гусеница. – Да ты в своем уме?

– Не знаю, – отвечала Алиса. – Должно быть, в чужом. Видите ли...

Льюис Кэрролл «Приключения Алисы в Стране чудес»

– Да, запустила власть глубинку, – изрек Иван, шагая прочь от злополучного оврага.

Перед глазами еще стоял образ гадкого мертвяка, а ужасная вонь, казалось, прилипла к близнецам навечно. Егора больше потрясла развязка истории: покойник буквально впитался в землю, оставив после себя лишь мокрое место да лохмотья, которыми прикрывал срам. Одно дело посмотреть такой эффект по видео, а другое – самому стать свидетелем. По спине крепыша-ефрейтора бегали мурашки.

– Куда мы идем? – поинтересовался он.

– Сам не знаю, – признался Старшой. – Когда шевелишь ногами, лучше думается. А вырисовывается у нас с тобой форменная хрень. Заблудились на ровном месте, газета испоганилась, мобила взорвалась, идиот какой-то у костра встретился, да еще и мертвяк появился. Такого, согласишься, не бывает. Антинаучная фантастика, короче.

– Кор-р-роче! – донеслось с ближайшей елки.

Братья увидели крупного ворона. Птица глядела, не мигая.

– Надо бросать пить, – обреченно промолвил Егор.

– Бросай! – согласился ворон. – Далеко ли путь держите, добры молодцы?

Он раскатисто произносил звук «р», и ощущалось, что ему нравится тарыхтеть.

– Вот, теперь придется с птицами базарить, – сказал Иван.

– Брезгуешь? – Ворон наклонил голову вбок.

– Нет, просто непривычно как-то.

– Ну, прости. Куда все-таки идете?

– Нам бы в ближайшую деревню...

– Хорошо шли. Надо чуть правее. Там она.

– А далеко? – спросил могучий ефрейтор.

– Нет. Коли лететь, то раз – и на месте. Видел, как вы умруна победили. Прекрасно.

Всем расскажу. Стало быть, тебя звать Егором, а твоего брата Иваном?

– Точно. Блин, умная птичка!

– Да помудрей некоторых буду. Недаром моему славному Первопредку сам Сварог вручил ключ от Ирия!

«Ни фиги себе! – подумал Старшой. – Сварог из пантеона славянских богов!» А черный птах продолжил:

– Право слово, неудобно спрашивать, но откель вы родом?

– Из Воронежа, – ответил Иван.

– Хорошее название, нашенское... Воронеж... Не знаю такого княжества. Издалече, видать, прибыли. Не буду вам мешать, скатертью дороженька.

Ворон вспорхнул и стремительно улетел за деревья.

– Постой! – крикнул вслед Старшой, но опоздал.

– Что будем делать? – поинтересовался ефрейтор.

– Пойдем правее. Доверимся галлюцинациям, – сказал Иван.

«Вот так, наверное, и спрыгивают с катушек, – рассуждал он. – Но чтобы вместе! А были ли случаи синхронного помешательства близнецов? Ничего не могу припомнить... Да нет, слишком реальные видения. К примеру, грязь на форме. Не с Егором же я месился, представляя его восставшим мертвецом... Неужто все реально? Именно! Власти прячут от нас правду! Сибирь кишит неопознанными и малоизученными аномалиями, а нам втирают, что здесь просто тайга. Сто пудов! Это чтобы люди на лес и нефть не зарились».

Сконструировав глупую гипотезу, Иван слегка успокоился и велел себе не гонять до поры тревожных мыслей о происходящем. Лишь бы выйти к деревне. А там – люди, телефон и попутка до большого населенного пункта. Обязательно с вокзалом.

Деревня разочаровала Старшего жестоко и непримиримо. Когда около трех часов дня братья-дембеля выбрали к ней из леса, стало ясно, что телефона и попуток не будет.

Ни проводов, ни автомобилей, ни антенн на крышах.

– Полный голяк и натуральное хозяйство, – констатировал Иван.

Домишек было немного, они стояли на невысоком холме. У подножья раскинулось озеро. От берега к деревне катилась телега, запряженная каурой лошадежкой. В телеге восседал мужичок.

– Не знал, что существуют настолько глухие села, – проговорил Старшой. – Даже, черт его возьми, клуба нет. Скучотища тут должна царить просто сказочная.

Подойдя к околице, братья увидели столб с вырезанным хмурым ликом бородатого богатыря да доску, на которой красовалась надпись: «Большие Хапуги».

– Трогательное название, – оценил старший сержант.

Близнецы, конечно, устали. Тут сложились и последствия возлияний в поезде, и бессонная ночь, и полдня пути натошак. Хотелось пить, есть и спать. Но быстро найти отзывчивого хозяина не получилось.

Они постучались в первый же дом. Тишина.

– Все ушли на фронт, – вяло пошутил Иван, и близнецы побрели к следующей хате.

Это был дом-красавец: крепкий, с резными наличниками, с аккуратным крыльцом и перилами. Чувствовалась рука мастера.

На стук вышел хозяин – коренастый мужчина лет тридцати пяти. Рыжий, хитроглазый, с бабьим голосом.

– Чего вам? – спросил мужчина, поигрывая киянкой.

– Здравствуйте, – почтительно начал Старшой. – Мы заплутали и устали, помогите, пожалуйста...

– О, тут я не помощник, – перебил хозяин. – Я по плотницким делам.

Он повернулся, чтобы уйти в дом.

– А к кому нам обратиться? – борясь с раздражением, спросил Иван.

– Обратитесь к Перуну, он справедлив.

Старшой придержал Егора, который уже собрался рубануть плотника в дыню. «А чего он?» – говорили глаза могучего ефрейтора.

– Надеюсь, в этой деревне есть вменяемые гостеприимные люди, – сказал старший сержант.

– А что, вполне вероятно, – пожал плечами хозяин. – Деревенька у нас небольшая, да люди добрые.

– Не, ну он точно издевается, – процедил Егор.

– По-моему, он по жизни такой, – тихо ответил Иван.

Теперь плотник не торопился покидать пришельцев. Он с любопытством разглядывал дембельскую форму Старшего. Еще бы, Ваня приготовился к увольнению на славу: сделал вставки в шевроны, соорудил подплечники, пустил по штанинам золоченые лампасы, идеально начистил пряжку ремня и классически загнул ее углы. Ефрейтор Емеля предпринял

те же самые декорационные действия, но его парадка получилась не столь блестяще, как у старшего брата.

Картину портила засохшая грязь, налипшая во время борьбы с мертвяком, но плотник ее не заметил.

– Вы кто будете? – спросил он.

Иван ответил гордо и честно:

– Мы – воины, только что отдавшие свой долг родине.

– И много задолжали?

Близнецы синхронно почесали макушки. Странный сельчанин им попался, очень странный. Ответил Егор:

– Два лучших года жизни задолжали, вот и отдали.

– Что за родина такая, которая временем берет?

– Такая же, как и у тебя. – Иван начал закипать по-серьезному.

– Значит, на постой бы вас определить... – Плотник наконец-то озаботился проблемами усталых дембелей. – Кого бы присоветовать?..

В проулке появился худенький мужичок с неестественно раздутыми щеками. За них что-то было набито, как у хомяка.

– Тит, поди! Дело есть! – окликнул его плотник.

– Прости, у меня жабот полон рот! – ответил мужичок и побежал дальше.

«Прямо-таки не человек, а ходячий центр занятости какой-то», – подумал Иван. А Егора посетила мысль: «Ну вот. Еще один олигофрен».

Хозяин подкинул и поймал киянку.

– Может, к старосте? Он и определит. Вон там, видите, самая высокая изба?

Братья поблагодарили плотника, собрались уходить. Тут мимо прошла девушка в коротком сарафане – до колен. Из стройных ножек торчали странные палочки. Они мешали красавице при ходьбе, потому она косолапила, словно утка.

– Чего это она? – спросил Иван, когда бедняжка скрылась за углом избы.

– Да ничего, – досадливо ответил плотник. – Второй месяц к ней клинья подбиваю, а ей хоть бы хны!

Дембеля молча покинули крыльцо странного ухажера.

Возле следующей избы сидели две девушки. Они расположились на скамеечке, спиной к улице. До ушей близнецов долетел обрывок разговора:

– Ты не представляешь, подруженька! Меня Еремей летом на лодочке катал! – похвасталась первая девушка.

– Счастливая, – завистливо протянула вторая.

Первая вздохнула:

– Да не очень. Сказал: любишь кататься – люби и саночки возить!

– Ну и? – нетерпеливо спросила слушательница.

– Что «ну и»? Все лето по берегу с санками, как дура!

– Клиника на выезде, – хмуро прокомментировал Старшой. Младший лишь кивнул.

Когда они почти дошагали до жилища старосты, им навстречу попала молодая женщина в простом холщовом платье и скромном платке. Светлая такая крестьянка с открытым круглым лицом и голубыми глазами. Егор счел ее красивой, а Иван симпатичной. Женщина сразу отметила чернявого и статного Старшого. Улыбнулась.

– Доброй дороги, славные путники, – сказала она мелодично. – Мимо идете или нарочно к нам?

– Мимо. Вот, ищем, где бы отдохнуть, – невесело ответил Иван.

– А у меня переночевать не хотите?

Дембеля очумели: женщина говорила по делу, без заскоков, и предложила именно то, что требовалось.

– Спасибо, уважаемая, – просиял Старшой, а Егор на радостях проявил необыкновенный такт:

– Мы тебя не стесним?

– Что вы! Я одна живу.

– Такая красивая и одна? – искренне удивился Емельянов-младший.

Щеки женщины залил умеренный румянец. Compliments и бабе Яге приятны, а уж нормальному человеку...

– Я, добрые люди, травница. Ведаю, как целебные настои сделать да мази замешать.

Иван сначала напрягся, а затем успокоился. Ему припомнилась передача на центральном телевидении. Там целительниц было – хоть женский батальон сколачивай. И каждая норовила тысячелистником СПИД лечить, чакры шомполом чистить, мочой молодость возвращать. Невинное коллективное помешательство. Главное – их услугами не пользоваться.

Но эта дамочка не производила впечатления фанатки уриротерапии. Она действительно знала травы и говорила об этом спокойно, как если бы утверждала, что умеет ходить. В ветхой избе висели многочисленные пучки трав. Они источали непередаваемый умиротворяющий аромат. Хотелось блаженно потянуться и уснуть. Иван встряхнулся:

– А ты чарами сна не владеешь?

– Нет, богатырь, не годна я на такую волшбу. Да и на что мне? Вон, травки заварю, будешь спать как убитый.

– Спасибо, не надо.

Ведунья накормила гостей постной кашей, приготовила приятный напиток наподобие чая. Братья посовещались и решили, что нельзя оставлять гостеприимство не отблагодаренным. Они подновили почти упавший забор, починили домашнюю утварь, залатали щели в двери. Иногда совесть одерживает верх над природной ленью.

– Я вот чего не пойму, – сказал Иван за ужином. – Ну, травница. А одна-то почему?

Женщина вздохнула:

– Да боятся мужики меня. Будто в других деревнях иначе к знахаркам относятся. Боятся, но обращаются. Хворей-то много. Знать, судьба у нас, лекарок, такая. Вот я, хоть и слаба на настоящее высокое колдовство, но чую над вами недобрый пригляд. И не порча, и не сглаз, ан все равно ничего доброго печать сия не сулит.

«Понеслось, – с грустью подумал Старшой. – Сейчас примется амулеты втюхивать и платные сеансы магии устраивать».

Сержант ошибся, травница что-то долго прикидывала, потом покачала головой:

– Я не справлюсь. Вам было бы потребно наведаться к тянитолкаевской гадалке. Бабка Скипидарья от всего помогает. Сама не сладит, так пошлет к правильному ведуну.

Дембеля вызнали у хозяйки дорогу в загадочный Тянитолкаев. Егор спросил имя травницы, но та отказалась его назвать, даже слегка обиделась. Потом объяснила, что знахаркам открываться людям не следует.

– А как же эта твоя Скипидарья? – удивился Иван.

– Ей можно. Она очень сильная. Мне еще учиться и учиться.

– Слушай, а почему тут такой народ чудной? Ерунду городят, ведут себя странно...

– Давно дело было, деды еще под стол пешком хаживали. – Взгляд знахарки затуманился. – Процветали мы, богатели. Стыдно сказать, нечестно торговали. Постоянно наши мужики изобретали всяческие магические способы подлой наживы. Вексель-мексель рисовать научились. Это такая бумажка, за которую деньги дают, а обратно уже не получают, потому что неправильно оформлена. Потом фучерез изладили. Фучерез – это когда шкуру неубитого медведя делят. Встречаются и спорят: «Фу, через месяц лес будет стоять на пол-

тину меньше!» И там уж как договорятся. Потом стали продавать волшебные эмэмэмки. Дескать, приноси, народ, деньжата, а мы вам позже вернем сторицей. И потек люд со всей округи. Всех на дармовщинку тянет. В общем, множество нечестивых ухваток напридумывали предки, пока не явился в деревню старик. Назвался Окоротом. Вот, сказал, обманутые складчики (ну, кто деньги в нашу деревню складывал) ко мне обратились за помощью. Сейчас, мол, я вас покараю. Мужики заржали, по бокам, в парчу одетым, себя захлопали, ногами в сафьяновых сапожках затопали. Где уж тебе, дескать. А старик руки в стороны развел, и стало у него за спиной темно, как ночью. А затем сия ночь стала падать на наши Большие Хапуги. И стала великая тьма, а когда она рассеялась, не было на мужиках ни кафтанов парчовых, ни сапожек сафьяна, а на бабах ни платья персидского, ни белья кружевного парижского. Стыд и срам, одним словом. Роскошные терема, на неправедные деньги выстроенные, обернулись ветхими лачугами. Кони породистые – ишаками горбатыми. А старик седобородый грозно изрек: «Отныне лишаю вас хитроумия да изворотливости и дарую вам глупость несусветную!» Сказал и исчез. Вот почему у нас такой народ непутевый.

– Ясенько, – пробормотал Иван. – Хотя... Ты-то почему при уме?

– А я не местная, – рассмеялась травница.

Хозяйка постелила близнецам на лавках. Она то и дело бросала на Старшего недвусмысленные взгляды, только он слишком вымотался за день и предпочел не понимать намеков. А Егор травницу не интересовал. Непруха, как всегда.

– Слышь, брат! – прошептал Иван перед тем, как заснуть. – Ты оценил, какая тут идеальная тишина? И сейчас, и вообще, даже днем. Не то, что у нас дома или в батальоне. Аж ушам больно.

– Не знаю, – ответил младший. – Мне пофигу.

Утром братья-дембеля попрощались со знахаркой и двинулись на стольный град Тянитолкаев. Добрая травница не только дала близнецам овсяных лепешек, но и отсыпала мелкой монеты. Как ни упирались Емельяновы, но деньги пришлось взять. Женщина благодарила за наведение порядка во дворе и доме, а также уверяла, что народ ее труды без копейки не оставляет, сбережения девать некуда. В последнее верилось с трудом, но парням деньги не помешали бы.

Правда, мелочь, предложенная знахаркой, выглядела полным бараклом – монеты были неумело подделаны, кривы, а оттиски неразборчивы. Запасливый Старшой все же взял.

Иван все боялся, что начнутся дожди и они с Егором в своих парадках попадут по полной программе. Но погодка выдалась не по-осеннему теплой. Как на заказ.

В головах братьев царил отчаянный бардак. Старшой никак не мог смириться с количеством ненормальных явлений, с которыми столкнулся за истекшие сутки. Ефрейтор же недоумевал по поводу того, как это им удалось заплутать до такой степени, чтобы забрести в махровую глубинку.

Выводы Ивана были поинтереснее. Получалось, тут вовсе не Сибирь с Зауральем, а вообще неясно что. Задолье, язви его. Дышалось слаще, шагалось легче. Никаких следов настоящей, технической цивилизации.

– Ну, Егор, крепись, – сказал на привале Старшой. – Не представляю, каким образом, но мы с тобой попали в прошлое.

И Ваня изложил брату все свои доводы.

– Ну, что ты на это скажешь? – закончил он вопросом.

Ефрейтор насупил брови и выдал:

– Не люблю фантастику. И ты уж извини, братка, но в прошлом вороны не болтали и мертвяки не дрались.

На том копания в сути происходящего и закончились.

А шлось действительно легко. Под ногами – укатанный тракт, по сторонам – зеленый хвойный лес. Егор принялся напевать глупые слова:

А я хочу, а я хочу опять
По крышам бегать, голубей гонять...

Иван представил слоноподобного брата бегущим по крыше и заржал.

– Ты чего? – спросил здоровяк.

– С ума схожу, наверное, – выкрутился Старшой.

– Ты это, крепись. А то я тебя, как того гипнотизера. В дыню.

К вечеру дошли до Тянитолкаева. Узрев город, Иван отчетливо понял, что придется внять бредовому совету травницы и шлепать к гадалке Скипидарье. Дело в том, что Тянитолкаев словно сошел с картинки из книжки о временах князей да бояр.

Город был окружен рвом и высокой стеной из ладно сложенных бревен. Правда, при внимательном рассмотрении оказалось, что часть стены разобрана и ров начинался там, где заканчивалась стена.

Братья вошли в Тянитолкаев через высокие ворота. Ни машин, ни проводов. Полнейшее средневековье. Похоже, версия Ивана о попадании в прошлое подтвердилась.

Народ здесь жил небогатый, лапотный. Вечерело, потому на улицах не было особолюдно. Кстати, половина дорог была замощена камнем, а другая крыта досками. Логика в странном разделении не прослеживалось.

Среди деревянных домов изредка попадались каменные, а в центре Тянитолкаева, на возвышении, стоял белый дворец, где, очевидно, жил князь.

Охраны у городских ворот не было, поэтому дембеля стали прикидывать, к кому бы обратиться за советом. Например, где лучше переночевать.

Советчик нашелся сам – к Ивану да Егору подскочил чумазый мальчонка лет восьми, худющий и юркий. Глазки восхищенно бегали от Старшого к ефрейтору, буквально пожирали красивую форму.

– Вы – прославленные витязи, дяденьки, – уверенно сказал парнишка.

– Ну, допустим, – согласился Иван.

– А меня Шарапкой кличут. Ежели надоть помочь, я завсегда.

Старшой внимательно оценил пацаненка. Босьяк. Если нанять, то выйдет почти задарма. Значит, Шарап. Имя ассоциировалось с английской фразой «Shut up» из американских фильмов. Мол, заткнись. А еще вспомнился фильм «Место встречи изменить нельзя».

– Значится, так, Шарапка, – по-жегловски начал Иван. – Покажешь, где тут можно переночевать, получишь копеечку. Отведешь к бабке Скипидарье, дам еще копейку. Согласен?

Пацаненок запрыгал от радости:

– Да, да, в лучшем виде обеспечу! Пойдем, витязи!

– Я Иван, а это Егор. Обращайся к нам по именам, – проворчал Старшой.

Он решил, что витязями лучше не называться. Обычно тех, кто заявлял о своей крутизне, каждый норовит проверить. Зачем зря напрашиваться на драку?

Шарапка отвел братьев-дембелей на постоянный двор, получил копеечку и упылил восвояси. Близнецы вполне сносно отужинали и переночевали, поутру к ним прибежал Шарапка, готовый сопроводить «витязей» хоть к Скипидарье, хоть к черту. Копеечка на дороге не валяется.

– Хоть знаешь, куда идти? – усмехнулся Старшой.

– Обижаешь, дяденька витязь Иван. Наша гадалка на весь мир славна. Ейный дом любой тянитолкаевский дурачок знает.

– Любой?

– Ага! – Гордость за ворожею так и распирала паренька.

Сержант хитро прищурился:

– А раз любой, то на фига тебе платить?

Шарап аж рот раскрыл:

– Как же ж это ж?.. Что же ж вы же ж?.. Я же ж...

– Тихо-тихо, не жужжи, пошутил я, – рассмеялся Старшой.

Паренек чуть-чуть успокоился и даже нашел аргументы:

– Между прочим, я могу привести самым коротким путем, а вы меня обижаете.

– Да, отстань от малого, братка, – встрял Егор.

Слегка перекусив, близнецы и Шарапка отправились к гадалке.

Люди с интересом рассматривали необычно разодетых дембелей. Кто-то на всякий случай здоровался, другие предпочитали уйти с дороги. В результате братья, ведомые мальчонкой, прогулялись по Тянитолкаеву, как важные персоны.

Обиталище Скипидарьи выглядело по всем правилам маркетинга. Хотите гадания? Будут вам гадания. Выкрашенные в черную краску стены, наглухо закрытые ставни с узорами на космические темы, необычной формы крыша, устремленная в небо острым шпилем. Над входом висела доска, в которой были вырезаны две фигурки: юная дева, символизирующая жизнь, и старая карга с косою в руках, ясно кого олицетворяющая.

– Вот тут она и живет, дяденьки витязи, – торжественно изрек провожатый и раскрыл ладошку, дескать, извольте расплатиться.

Копеечка не заставила себя долго ждать.

– Подожди здесь. Вдруг понадобится, – сказал Иван Шарапке.

Старшой протянул руку к шнурку колокольчика, но тут дверь приоткрылась сама собой. Из избы выбежала богатенькая девушка, нервно промокающая платочком пространство под носиком.

– В полночь... нагишом... натереться мелом... с веслом... в саду... «Ряженный мой, суженый, морячок контуженый»... Ой, перепутаю!.. – бормотала девица, удаляясь.

Егор сунул голову во мрак хаты и тут же гундосо заойкал:

– Пусти, мольно!.. Темя мы так за нос!.. Ой-е! Не крути только мольше!..

– А чаво без спросу суесся? – донесся до Ивана бодрый голосок. – Позвонить в колокольц длань отсохла?

– Я не успе-е-ел!.. Прости...

– Бог простит... – вздохнул голосок. Стало заметно, что он пришепetyвает.

Егор вывалился на улицу, потешно сев на задницу. Старшой поглядел на распухающий малиновый нос брата и покачал головой:

– Кормишь тебя, кормишь, а ты все жрешь и жрешь... Зачем, спрашивается? Ум-то где? – и добавил громче: – Хозяюшка, можно к вам за советом обратиться?

– Отчего ж нельзя? Валяй!

На пороге возникла маленькая сухая бабулька в таком цветастом цыганском наряде. Голова была повязана ярким платком, на шее болтались несколько килограммов всяческих бус и амулетов. Но внимание Ивана невольно сконцентрировалось на морщинистом остреньком лице. В этой изъеденной временем маске угадывались следы былой девичьей красоты. Парень утонул в глазах. Большие, живые, карие, магнетические, они завораживали, заставляли забыть обо всем и потянуться навстречу... Навстречу...

Пока ошеломленный Старшой поднимался на ноги, стараясь сбросить наваждение, старушка распахнула дверь шире. Гости протиснулись внутрь. В сенях располагались многочисленные полки с чучелами животных, банками, в которых что-то шевелилось, мешочками, пучками трав, черепами, бараньими лопатками, какой-то схемой, похожей на карту метрополитена столицы, и прочей магической шелухой.

Братья проследовали за Скипидарьей в горницу.

– Ну, так и чем опечалены, Иван да Егорий, сыны Василия? – любопытствовала гадалка, усаживая дембелей за круглый стол, покрытый зеленым сукном, и располагаясь напротив.

«Мы же не представлялись! Сильна...» – опешил Старшой и нарочно взял паузу, оглядывая комнату. Большая ее часть скрывалась во тьме, так как дверь была прикрыта, а свечи, чадающей на столе, на все помещение не хватало. Наглухо занавешенные окна не давали ни лучика света. Из мрака проступал зловещий комод и ужасающий диван. Комод украшали злые резные горгульи, а диван ужасал ветхостью.

На столе кроме свечи покоился хрустальный шар да валялись странные карты.

– Если вы знаете, кто мы, то наверняка представляете и суть нашего вопроса, – предположил Иван.

– Это так. Но слова просьбы должны быть сказаны пришедшим. А я могу все! – И старушка зашпарила, как рекламный агент: – Лечу от всего, заражаю всем. Сглазы-порчи снимаю-надеваю. Карму подчищаю на астральном уровне и с корректировкой соответствующего документооборота. Приметы сказываю на любой случай...

– Бабушка!.. – попытался встрять Старшой.

– Не перебивай! Гадалка я или талисман моржовый? О чем я? А! Приметы! Если чешется левая ладонь, это к деньгам. Если еще и правая – к большим деньгам. А если при этом чешется еще и нос, то, может, пора помыться?.. Мужичка: чем меньше женщину мы любим, тем больше тянет на мужчин... А вот тебе бесплатно очень полезная наука! Если со стола падает нож, в гости наведается тесть. Если падает старая перечница, то припрется теща...

– Хватит примет! Мы по поводу... – закричал Иван.

– Ах да! Что же я? – Вещунья всплеснула руками. – Гадать! Так, карты-нарты – вчерашний день... В кристаллбол посмотреть?.. Позже, позже... Ты не гляди, я на всем могу гадать! Дай что-нибудь! Ну, достань, достань любую вещь. А хотя бы денег! Во! Буду тебе по денежке пророчить... Ага. Что тебе сразу сказать? Скупердяй ты, хоть и умный. Вон как ручонка-то тряслась, нехотя в карман лазая. И не краснеешь опять же. Молодец!

– Не за этим мы пришли, бабушка! – Егор стукнул кулаком по столу.

Под столом утробно заурчало, зашипело, и братья живенько подобрали ноги.

– Вы того, соколики, не буйствуйте. Горыныч этого не любит. Как бы беды не вышло...

Из-под стола вылезла крупная ящерица. Величиной с бассета. Вылитый варан, только о трех головах, с маленькими крылышками и роговыми наростами на хребте. Горыныч сел и принялся по-собачьи чесать затылок левой головы, недобро пялясь на Егора.

– Душа моя, – обратилась Скипидарья к уродцу. – Поди-ка на двор, перехвати курятинки или еще кого поймашь.

Зверь послушно покинул таинственную горницу через занавешенное отверстие, выпитое в двери.

С улицы тут же раздались рычание, шипение, подозрительный треск ткани и старинные заклятия, некогда сильные, но ныне едва подпадающие под статьи «мелкое хулиганство» и «оскорбление словом». Видать, крепко досталось Шарапке.

– Зверь! Отрицательные флюиды словно нюхом чует... Приглядитесь к спутнику, кстати. Вернемся к предмету, – предложила гадалка, катая вытребованную у Ивана монету по столу. – Грядут прибывки отрицательные, аритмии мерцательные, проверки налоговые, преследование уголовное, конфискация полная... А, нет, постойте. Выкрутитесь-отмажетесь, правда, придется терем продать и пяток лучших коней. Даже шесть. Но запомните! Главное, не продавайте шелудивого горбунка!

– Нету у нас горбунка, – пробормотал пришибленный прогнозом Старшой. – И тем более терема...

– Вот и славно! Вот и не продашь, значит! – заверила бабка Ивана и переключилась на Егора. – А ты, богатырь, с полюбовницей поосторожнее, у нее как раз Марс в Венеру входит... И выходит... Входит... И выходит... Тыфу ты, срамота! Давай точнее посмотрим в шару магическом!

– Как входит-выходит? – подавленно спросил Егор, у которого сроду не было полюбовницы.

– Ишь ты, шалун! – ухмыльнулась колдунья. – Цыц! Стара я веселые картинки подсматривать! Лучше будем искать решение ваших бед.

Скипидарья пододвинула шар к себе и уперлась в него взглядом.

– Так. Я вижу город Петроград в семнадцатом году... Бежит матрос... Бежит солдат... Стреляют... Это ваш прадед! Матрос – ваш прадед!

Спины близнецов залил холодный пот: прадед действительно был революционным матросом и даже Ленина видел наяву, а не как все – в гробу! Бабка продолжала оракульствовать:

– Вот он врывается в Зимний... И к женскому батальону... Целеустремленные мужики у вас в роду. Ха! Мимо бежит, бестия! Вот! Проклятье на вас. Тяжкое проклятье! Ах, зачем он золотой подсвечник екатерининской эпохи стащил? «Кто его хватает, у того потом правнук страдает!» Не дрейфь, Василичи, особенно ты, Егорий, проклятье сниму! Дальше поехали. Мать моя женщина, отец мой мужчина, Кощей мне не пойми кто!!! Под страшным призором находитесь. Злого колдуна разгневали, не иначе. Эта недобрая печать не даст вам вернуться домой.

Близнецы вспомнили гипнотизера-сектанта. Других кандидатов в колдуны они не знали. Старушка мечтательно пробормотала:

– А все же интересно, что это за Петроград такой... Зело сказочный город.

Гадалка оторвалась от магического предмета и поморгала.

– Как быть? Что делать? Кто виноват? Кто подставил?.. – забормотали братья.

– Давайте по порядку. С прадеда. Три монеты накиньте, я вечерком развею проклятье.

В руках Старшого скорбно зазвенело. Мгновение спустя куда бодрей звякнуло в сухеньком кулачочке гадалки.

– Позитивно звучит, добрый знак... Чтобы превозмочь черную энергию, препятствующую вашему возвращению, нужно вам, соколики, улучшить момент и собственной рукой бросить щепоть толченой ягипетской мумиятины на спину пса Семаргла. Пес обязательно должен быть в золотом ошейнике и смотреть на север, а вещая русалка, на Семаргле сидящая, пусть держит свечку из сала единорога. Непременно зажженную. И поет песнь о царевне Фригидне. А леший в кожаном исподнем, прыгая на левой ноге...

– Ты, бабуля, думай, что говоришь! Как мы это все организуем? – спросил Иван.

– Да, я понимаю, трудно, – согласилась, поразмыслив, ведунья. – Есть еще путь. Вы его сами найдете. А он вас. В таком завершении моя вам крепкая надежда.

Что-то было не так, но близнецы заглянули в глубоко мудрые глаза гадалки и согласно закивали.

– Вот как бы и все на сегодня, – щелкнула пальчиками бабулька. – Труд платежом богат.

– Сколько? – насторожился Старшой.

– Дай, мил человек, сколь не жалко... – лукаво прищурилась гадалка.

– Ох, бабушка, я человек бережливый. Мне жалко по определению, – вздохнул Иван, залезая в карман.

Кривые грязные монеты легли на гадальный стол.

– Ну, ступайте, ступайте, – приговаривала старушка, провожая дембелей к выходу. – А ежели что, знаете дорожку-то. Я, соколики мои, птичка милосердная, послушная горю народному.

Иван да Егор вышли, а она закрыла дверь, помолчала и тихо запела: «Без бабок жить нельзя на свете, нет! Бабки дают нам газ, тепло и свет...» – и зашаркала в глубь избы.

Близнецы, покинувшие мрак гадалкиного дома, шурились на яркий дневной свет и синхронно чесали в затылках. Ивану категорически не нравилась манера бабки изъясняться современным языком. «Откуда здесь такие словечки?» – недоумевал Старшой. Егор просто чувствовал что-то неправильное в поведении ведуньи, но связно выразить свои подозрения не мог.

Шарап выжидающе смотрел на Емельяновых и придерживал рукой разорванную Горынычем штанину.

– Похоже, мы не договорили, – изрек Иван, поворачиваясь к двери. – Действуй, Егор!

В таких делах ефрейтору Емеле объяснений не требовалось. Он вышиб нехлипкую дверь плечом, потом одолел следующую, покрепче. Старушка стояла посреди комнаты для гаданий, растерянно глядя на вернувшихся дембелей. Здоровяк подскочил к бабке и одной рукой схватил ее за шею, другой прикрыл рот, чтобы она не сказанула какого гадкого заклятия.

– Так, гражданочка, ты нам глаз не отводи и зубов не заговаривай! – начал Старшой. – Ты из нашего мира? Из России? Отвечай!

– М-м-м, мы-ы-ы! М-м-м! – ответила гадалка.

– Егор, ты рот-то ей открой, – хмыкнул Иван.

– А если она наколдует? – уперся здоровяк.

– Наколднешь? – спросил Старшой у пленницы.

Бабка замотала головой, мол, нет. Ее пунцовое лицо не врало.

Егор осторожно отнял ладонь от гадалкиного рта.

– Воздуха! – просипела ворожея.

Младший Емельянов ослабил хватку, позволив воздуху циркулировать по тонкому морщинистому горлу.

– Рассея... – протянула отдышавшаяся гадалка. – Да, давно я не слышала этого названия. Нет, соколики, я не из Рассеи. Ее моя прабабка застала. Ныне совсем другие времена и названия.

– Так это что, будущее, что ли? – вымолвил Иван и сел на лавку.

«Не может быть, что этот бредовый мир – наше будущее! – подумал он. – Три поколения и – приехали. Ворон, ясен перец, робот. Покойник – это мутант, жертва генетического эксперимента. Такое кино было с Милой Йовович».

Наконец, парень смог коряво сформулировать вопрос:

– Как же оно так вот... стало?

Скипидарья долго смотрела на Старшого большими, все понимающими глазами, затем промолвила:

– Так война была. Страшная и лютая. Ядреная.

– Ядерная, – деловито исправил Егор, будто речь шла о чем-то обыденном.

Глава третья

В коей близнецы получают прямой ответ на главный вопрос, а читатель узнает куда больше, чем герои

Выпьем за алкоголь – причину и решение всех человеческих проблем!

Гомер Симпсон

– Как скажете, – смиренно промолвила Скипидарья. – Токмо великую войну называют ядреной по имени богатыря-князя, ее развязавшего. Народ помнит Ядреню Матренского великим воителем, который прельстился божеской силою и был жестоко наказан. А через гордыню Ядрени понес тяжкую кару и весь люд. Мощь, призванная Ядреной, вырвалась на свободу. Неизмеримая злая рать жгла города, отравляла реки, разрушала крепости, не щадя никого. Огненный ураган пронесся по земле. Верьте, отроки, те страшные события сотрясли даже неприступный Ирий. Лишь вмешавшиеся верховные боги сумели стреножить адский пламень, напустив на вселенную лютый мороз. Многие, не погибшие в пекле, встретили свой смертный час во время долгой холодной зимы. Сам же Ядреня наказан Сварогом за чрезмерную гордость и обречен висеть промеж небесным сводом и матерью-землей, прикованный к полярной звезде. Каждый день к нему прилетает жареный петух и клюет его по многострадальному темечку. И так будет вечно... Так-то вот. С той поры имя Ядрени Матренского стало запретным, то есть ругательным.

Егор, полностью захваченный рассказом гадалки, даже приоткрыл рот, а Иван лишь криво усмехнулся. Прямо-таки по учебнику: была катастрофа, которую народ, попавший в условия технической деградации, быстро превратил в легенду. Огненные смерчи и лютые зимы интерпретировались абсолютно недвусмысленно.

Размышлявший столь наукообразно Старшой не сразу заметил, что бабка внимательно на него смотрит. Очнувшись от раздумий, Иван услышал совершенно потрясающие слова:

– Ты, соколик мой, напрасно себя изводишь. Все это твое желание понять непонятное и объяснить необъяснимое – пустая трата времени. Горе от ума. Ты полагаешь, что у себя дома находишься. Про страшное грядущее своего мира вот насочинял. Только ты имей в виду: нынче вы совсем в иной мировой сущности обретаетесь. Будто бы ты всю жизнь вон в сених прожил, а потом вдруг очутился в этой комнате. Вот тебе и ответ на твой невысказанный вопрос.

– Так, я не понял, – вмешался Егор. – Почему наш мир – сени? Спасибо, хоть не нужник.

Гадалка успокаивающе улыбнулась:

– Не обижайся, богатырь. Посмотри, какая у меня темная и мрачная комната. Уж лучше в сених да на свету, чем тут.

– Хорошо, – опомнился Иван. – Сдается мне, ты нам все мозги запудрила. Изовралась вдоль и поперек. Где правда-то?

– Правда в том, что я боюсь вас, Василичи, аки змей Волос – стрел Перуновых. Стоило мне прихватить Егория за нос, и я ощутила, насколько вы чуждые здесь существа. За нечистую силу приняла, честно говорю. Угрозу вы предвещаете. Я ведь душой гляжу. И страшно мне сделалось, ибо существует легенда о двух братьях-близнецах, которые...

– ...которые нечеловечески хотят домой, – оборвал Старшой. – Давай, выкладывай, как нам вернуться на родину.

– Нас мамка ждет, – жалобно добавил Емельянов-младший, утирая нос пудовым кулаком.

– Да не знаю я! – в отчаянье воскликнула Скипидарья. – Кабы знала, первая бы вас обратно послала... к Ядрене Матренскому.

– Так, гражданочка, брось-ка заливать. Нашими словами пуляла, как автомат Калашникова. Как там было, Егор? «Астральное корректирование документооборота»?

Ефрейтор, естественно, такой трехэтажной конструкции не то что вспомнить, повторить не смог бы. Гадалка развела руками:

– Я, соколики, ничего не понимаю ни из «туго мента-обормота», ни из того, что про вашего предка вызнала. Ни «екатеринской япохи», ни «энергии», ни «позы дивного» звучания. Когда я вещую, то обращаюсь к душе пришедшего. Из нее исторгаются слова, образы, видения. Но ваши необычайно похожи на словеса, исторгаемые из драгоценной говорящей торбы. Есть у меня этакое сокровище предков.

Старуха открыла комод и достала... старый, советских времен еще приемник «Альпинист». Иван взял артефакт в руки, осмотрел. Прямо как настоящий! Даже надпись «Сделано в СССР» и знак качества присутствовали. Да он и был настоящим.

– Братан, это же радио! – заморожено выдохнул Егор.

– Пять баллов, – язвительно сказал Иван. – Выходит, бабушка, ты хочешь сказать, что слушаешь эту рухлядь?

– Истинно так, соколик, – мелко закивала гадалка.

Старшой нацелил на хозяйку приемника указательный палец, будто хотел ее застрелить:

– И, разумеется, у тебя есть батарейки, да?

– Чаво? – протянула ведунья. – На кой мне твои «табурейки»?

– А как же он тогда играет? – Естественно, Иван хотел знать, есть ли тут вещательная станция, но таких вопросов предпочел бабке не задавать.

– Как играет, как играет... Вестимо, как. Кручу ручку, заговор произношу, оно и играет, самогудное мое сокровище.

– Откуда оно у тебя? – задал самый главный вопрос Егор.

– Прямое наследствие. Предки по материнской линии у какого-то лесовичка сторговали. Задорого! Лесовики, они существа заповедные, промеж мировых линий шлындают и всякий диковинный предмет собирают.

– Вот это уже зацепка, – сказал Старшой брату. – Надо отыскать какого-нибудь лесовика. Вдруг поможет?

– Где ж ты его сыщешь, милый! – встряла бабка. – Извели их всех лет сто назад. Больно опасные штуки они стали людям продавать. Железные палки-убивалки, блестящие колесницы, исторгающие смрадный дым, и прочие гадости. А от моего сундучка-самогуда вреда никакого, вы не подумайте!

– Ну, включи, – велел скептик-Иван, отдавая гадалке приемник.

Ворожея крутанула ручку, прошептала себе под нос короткий заговор, и радио ожило. Динамик зашуршал, забулькал, раздалась щелчка.

– Расстроил, пока руками лапал, – брюзгливо сказала бабка и стала медленно вращать специальное колесико.

Шумы рассеялись, и на всю горницу грянула песня:

Какая, в сущности, смешная вышла жизнь,
Хотя... что может быть красивее,
Чем сидеть на облаке и, свесив ножки вниз,
Друг друга называть по имени?¹

---

¹ Группа «Високосный год», «Лучшая песня о любви».

Ансамбль доиграл, и зазвучал приятный мужской голос:

– Вы слушали песню под названием «Семирамида Аполлинарьевна Аккордеонова-Задунайская и Эдуард Макакин».

Вступила балалайка. Гадалка повернула колесико еще. Заговорил густой баритон с приклатненными интонациями:

– В эфире «Радио Шиномонтаж» и передача «Крутятся диски»...

Бодро заиграла очередная хоть и знакомая, но исковерканная песня:

Опять от меня сбежала последняя электричка,
И я по шпалам, опять по шпалам...
И ду-у-уру ташу за косички!

– Вырубай, – произнес Иван, не в силах слушать ужасную трансляцию. – Да, братишка, с приемником тут абсолютно так же, как с газетой да мобилой. Полный кретинизм.

Скипидарья спрятала «Альпинист» в сундук и обратилась к дембелям:

– Милые мои соколики, поведайте мне по порядку, что с вами приключилось. Я же постараюсь отыскать в старинных трактатах способ отсылки вас домой.

– Где ж у тебя трактаты? – подозрительно спросил Старшой.

Гадалка хлопнула в ладоши, и комнату озарил мягкий зеленый свет. Тьма отступила, и близнецы увидели, что все-все стены от пола до потолка уставлены полками. Полки были забиты книгами.

– Сени, говоришь... – пробурчал Егор.

Иван рассказал о сумасшедшем лесном походе, начав со стычки в поезде. Ему пришлось объяснять довольно сложные вещи. Например, что такое поезд, кто такие десантники, зачем нужно пьянствовать дембелю. Старшой справился на «отлично». Особенно пристрасно Скипидарья расспросила о гипнотизере Перехлюзде. Очень уж он ее беспокоил. Упоминание знахарки-травницы из Больших Хапуг вызвало у гадалки добрую улыбку. А вот история с мертвецом, занявшим активную жизненную позицию, на бабушку никакого впечатления не произвела. Видимо, такие случаи в этих краях были чем-то обыденным.

– Я так разумею, вы не осознали мига перехода из своего мира в наш, – заговорила гадалка, выслушав Ивана. – Это плохо. С одной стороны, тропинка между мирами не закрылась. С другой, коли закрылась, то следов можно и не найти... Все, соколики мои, вы пока идите, а я стану искать, что мудрейшие пишут о случаях, подобных вашему.

Старшой проявил практичность:

– А когда?..

– Завтрема, к вечерней зорьке. – Скипидарья уже направилась к полке.

Братья покинули ее дом.

– Я уж думал, вы не вернетесь, дяденьки витязи, – осуждающе проныл Шарапка. – Я из-за вас штанов лишился да время потерял. А время, знаете ли, денежки! Минутка – копеечка, часик – цельный рубль.

– И как бы ты заработал? – усмехнулся Иван.

– Да на ровном месте! – Мальчуган явно завелся. – Прямо сейчас полгривны заработал!

Стараясь не замечать осуждающего сопения Егора, Старшой продолжил подначивать Шарапку:

– Врешь!

– Пусть лекари врут! Истинно реку, дяденька витязь Иван! Подошел ко мне боялин...

– Может, боярин?

– Боялин. Ты не понимаешь. Бояле имеют крутой нрав, чтобы все боялись. Потому и боялин. Так вот, подошел и дал полгривны.

– Просто так?! – вскинул черные брови Иван.

– Ну, нет... – Мальчуган замялся. – Он вопрошал, я отвечал.

– Угу, загадки загадывал.

– Отлезь от малого, – попросил ефрейтор Емельянов.

– погоди, братан, – сказал Старшой. – Чего-то наш юный коммерсант покраснел. Ну, договаривай, Шарапка, не бойся.

– Про вас он спрашивал, боялин-то, – признался паренек. – Кто таковы, откуда. С чем к бабушке Скипидарье пришли.

– Врубился, Егор? – хмыкнул Иван и продолжил дознание: – А ты что ответил?

– Почти ничего. Вроде, вы при мне упоминали Большие Хапуги. Потом, войны вы, это сразу ясно. Вот и все.

– Я за эти сведения и копейки пожалел бы.

– Так то вы, а он – цельный боялин! – протянул Шарап, но натолкнулся на суровый взгляд Старшого и осекся. – Да скажу я, скажу. Он взял с меня обещание за вами следить и все ему доносить.

– Молодец! Недаром существует поговорка, что чистосердечное признание облегчает участь. Ну, пойдем, дружок, разменяем твою выручку.

– На кой? – насторожился мальчишка.

Иван покачал указательным пальцем перед вздернутым носом Шарапки:

– На нас зарабатываешь, так? Так. Значит, прибыль поровну на троих делим.

– Вот оно что! А ну как я убегу?

– Поймаю.

Паренек стрельнул глазами в сторону лояльного богатыря-ефрейтора:

– А за меня дяденька витязь Егорий заступится.

– Всегда с удовольствием, – сказал Емельянов-младший, и Шарапка просиял, но тут же скис, когда увалень продолжил: – Всегда, кроме этого случая. Я шпионов и наушников не люблю. Ты малый хороший, не обижайся.

– К тому же, мы все свои бабки оставили у бабки, – скаламбурил Иван.

Так юный Шарапка получил практический жизненный урок: честность – лучшая политика, а молчание – золото. Выбирай, политик ты или финансист.

Настало время ненадолго покинуть братьев-дембелей и рассказать о городе.

Столица Тянитолкаевского княжества во всем разделялась надвое. Взять хотя бы дороги, ров и крепостную стену. Вирус дуализма не обошел и терем. С фасада он имел вид палат белокаменных, а с тылу был исполнен из красного кирпича.

Причины тотальной двуличности города, разумеется, коренились в глубокой древности.

Спервоначально в этих заповедных местах селились охотничьи племена славянов. Славянами их величали оттого, что абсолютно все имена славянов заканчивались на «слав»: Вячеслав, Бранислав, Всеслав, даже Изя и тот был слав. Еще были Страхослав, Блудослав и прочие Разнославы. Ни о каком Тянитолкаеве они не помышляли.

Город основали князья-побратимы Ослохан Бритый и Слондр Стриженный. Первый возглавлял славное кочевое племя мангало-тартар. Второй был кочевряжским конунгом. Кочевряги – это суровый северный народ, плававший в длинных ладьях и грабивший приморские поселки. История умалчивает, как и почему Ослохан да Слондр стали братьями по крови. В единственной дошедшей до современных тянитолкайцев песне о легендарных князьях утверждалось, что побратимство было случайным: Бритый сошелся со Стриженным в бою, сначала рубились, потом стали бороться и соприкоснулись израненными ладонями.

«Мы с тобой одной крови», – с оттенком сожаления прорычал Слондр. Ослохан не без остервенения согласился. В память о великом событии новоявленные братья тут же основали город.

Слишком уж своевольными оказались князья Бритый да Стриженный. Еще бы, каждый был ярким вождем, привыкшим повелевать сотнями. К тому же жизненные устои мангало-тартар совершенно не совпадали с кочевряжским укладом. Вот отсель и началось разделение во всех областях быта. Ослохан приказал копать ров, Слондр возводил стену. Первый мостил дорогу досками, второй – камнем. Бритый ел руками, Стриженный питался с огромного ножа.

Боевые товарищи князей, а также окрестные аборигены-славяны стали спорить, кто из руководителей лучше.

– Бритый! – кричали одни.

– Нет, Стриженный! – не уступали другие.

Разумеется, дело дошло до поножовщины. И тогда Ослохан да Слондр собрали людей на главной площади и провозгласили двуначалие, опирающееся на боялскую думу.

– Мы учреждаем новое сословие, название коему бояле. Бояле да убоятся нашего гнева и кары богов. Ответствовать боялам нужно за счастье народное и торжище справедливости. Дабы дела вершились к обоюдному согласию, бояле будут собираться в нашем тереме и думать, как бы лучше зажить подданным. Всякое решение думы мы, князья Тянитолкаева, будем утверждать либо налагать на него вот этот скипетр срамной формы, называемый ветом. – Стриженный и Бритый потрясли новыми нефритовыми ветами. – А коль заспорим, то тут уж чье вето перевесит. Да будет так.

С тех славных пор прошли века, а легендарное уложение с незначительными изменениями выжило и даже было заимствовано некоторыми соседями.

Какие же произошли изменения? Во-первых, наследники князей потеряли одно вето. То ли пропили, то ли просто прощелкали. Потому князь остался в единственном экземпляре. Во-вторых, исказился смысл боялства. Раньше бояле боялись княжьей расплаты да судилища богов, а ныне народ боялся боял. Недаром ходила пословица: «С боялами знаться – греха не обобраться».

Зажрались, закабанели думцы. Некоторые вообще прекратили ходить на заседания, передав голоса товарищам по партии. Разбогатели боялские семьи, предались корыстолюбию. По-прежнему существовало разделение на две партии – ослов, названных в честь Ослохана, и слонов по имени Слондра. Раз в четыре года бояле устраивали потешные игрища, называемые выборами. Ослы хаяли слонов, а слоны поносили ослов, хотя и тем, и другим, и тем паче народу было ясно, что никакой разницы между слоном и ослом нетути. Звучит парадоксально, но факт.

Бояле дрались за власть, старались добиться большего влияния на князя, для чего хитроумно интриговали, а иногда и тупо воевали.

Человек, который заинтересовался Иваном и Егором Емельяновыми, был наследником старинной боялской фамилии. Полкан Люлякин-Бабский мастерски преодолевал препятствия на пути к княжескому трону, ловко отодвигая соперников, и стоял перед основной задачей – скинуть самого князя.

Что еще? Боялин Люлякин-Бабский был ослом. В партийном смысле. Более того, он добился главенства в стане последователей Ослохана.

Полкану стукнуло тридцать шесть лет, но выглядел он на неполные тридцать. Ростом был высок, фигурой полон, ликом приятен, хоть и обладал колючим взглядом да рыжей шевелюрой. Как и все мужчины рода Люлякиных-Бабских, Полкан пользовался успехом у женщин, но женился на неказистой девушке из обедневшей боялской семьи Меньжуйских. По этому поводу молодой муж любил приговаривать: «Лучше синица в руках, чем всю жизнь

при рогах». Истинные причины брака заключались в том, что Меньжуйские принадлежали к стану слонов. Боялин рассчитывал получить голоса «наследников Слондра».

Вот таким человеком был Полкан Люлякин-Бабский.

С его рук кормилась небольшая армия осведомителей, поэтому он первым из боял узнал о приходе в Тянитолкаев двух странно одетых молодцев.

Описание формы дембелей Емельяновых напомнило Полкану немчурийские наряды. Немчурийцы уважали порядок и старались облачаться в одинаковые кафтаны. Лучшие же из людей украшали одежду знаками отличия.

Услышав новость, Люлякин-Бабский принялся ходить по своей хоромине и рассуждать вслух:

– Так-так-так. Пока князь в отъезде, а остальные спят, нужно пошевелиться. Кто они, сии загадочные пришельцы? Военные послы? С миром ли, с войною? В любом случае, надо действовать... – Тут Полкан замолк, ибо известно, что даже у стен есть уши.

Ситуация и вправду сложилась пикантная.

Князь Световар, ныне гостивший в соседнем государстве, где намечалась крупный съезд князей, перед отбытием успел попустить ссору с Немчурией. В принципе, Световар был неплохим правителем. В свои пятьдесят пять лет он все еще противостоял бояльским заговорам, руководил дружиной и пользовался доверием народа. Только возможно ли углядеть за всем?

Беда, как всегда, явилась, откуда не ждали.

Немчурийский посол, высокий худой человек, которого местные прозвали Аршином, многого не понимал в Тянитолкаевском княжестве. Слово «арш» по-немчурийски обозначало задницу. «Ин» переводилось на здешний язык как предлог «в». «Что же тогда есть слово аршин?» – мучился вопросом посол. В конце концов он решил, что его постоянно посылают, и обиделся. Проголосив ноту протеста, он отбыл на родину, и теперь княжеству грозил военный конфликт.

Световар сначала посмеялся, ведь все знают, что у немчурийцев проблемы с напыщенностью и чувством юмора. Потом князь призадумался и ощутил угрозу.

– Эх, легко было праотцам нашенским! – удрученно воскликнул Световар. – Любого приструнить могли, а кто несогласный – получай ветом по лбу! А тут сплошная саквояжия.

В странном мире, куда угодили Емельяновы, саквояжией звалась известная нам дипломатия. Понятие пришло из парижуйского языка. Сак – это сундук или чемодан, а вояж в объяснении не нуждается.

Воистину, где саквояжия, там уйма зарубежных слов.

Князь Световар не являлся прирожденным саквояжем. Посоветовавшись с боялами, он сочинил письмо немчурийскому кайзеру, где разъяснял роковую ошибку и предлагал не держать напрасного зла.

Люлякин-Бабский считал, что княжеская грамота особой силы не возымеет, ибо немчурийцы народ щепетильный, у них даже зло напрасным не бывает.

И вот прибыли загадочные молодцы – явные посланцы кайзера. Таких следовало числить в друзьях. Боялин Полкан предпринял вылазку, чтобы лично глянуть на визитеров, но ему не повезло – гости сидели у бабки Скипидарьи.

Имя гадалки гремело по всему свету, и Люлякин-Бабский решил, что немчурийцы отправились к ней уж точно не девок привораживать, а вызнать, кому улыбнется удача в случае войны.

Народная мудрость гласит, что беда не приходит одна. Перед княжеством действительно маячила не единственная угроза. Кроме резкого ухудшения отношений с Немчурией случилась штукавина посерьезнее: в окрестностях Тянитолкаева завелся дракон. Но не ожи-

данный визит пары расфуфыренных молодцев заставил боялина отложить даже проблему дракона.

– Змием займусь завтра, а сегодня во что бы то ни стало завяжу знакомство с басурманами, – процедил сквозь зубы Полкан, раздумывая, не зря ли он потратил полгривны на замухрышку-пацана.

Боялин оставил соглядатая подле бабкиного дома, а сам засел в трактире. Люлякин-Бабский был чревоугодлив.

Заработок Шарапа пришелся как нельзя кстати. По прикидкам Ивана, денег хватало на плотный обед и оплату комнаты, еще и заначка оставалась. Мальчонка свою часть не тратил. Дяденьки витязи кормили, и хорошо.

Дембеля и Шарапка сидели в корчме, ожидая горячую еду.

– Значит, мы в другом мире, братан, – хмуро сказал Старшой.

– Типа того, – безразлично ответил Егор.

– Мне бы твое хладнокровие, – усмехнулся Иван, подразумевая туповатость брата.

– А толку дергаться? – пожал широкими плечами ефрейтор. – Не хрен было дверь вагонную открывать.

– Ух ты! Так это я во всем виноват? – недобро сощурился Старшой, и разумный Шарапка поспешил отодвинуться от близнецов подальше.

– Оба, – спокойно произнес Егор. – Не заводись, братка. Нам выбраться бы... Мы уж двое суток по этой земле топчемся, а дома-то ждут. Мамка, опять же.

– Это точно, – вздохнул Иван.

«Интересно, когда нас хватятся? Хорошо хоть, мы не сообщили, что выезжаем. Мама бы с ума уже начала сходить. Сюрприз, блин, хотели сделать. Вот и сделали», – подумал он.

Моложавая хозяйка принесла снедь – тушеное мясо и пареную репу. К еде подала две кружки пива и одну простокваши. Негоже мальчика спаивать.

– Спасибо, – поблагодарил Егор.

– Нам бы пирожков, – добавил Старшой.

Ефрейтор уточнил:

– Да, по три штучки, пожалуйста.

– Ну, и какие штучки тебе потереть? – спросила острая на язык хозяйка.

Егор непонимающе заморгал, а Иван чуть со скамьи не свалился от смеха.

– Поздравляю, братан! Ты ей понравился.

Минут десять дембеля-витязи и парнишка боролись с пищей.

Было около полудня, корчма пустовала. Поэтому братья сразу обратили внимание на вошедшего мужика. Богато разодетый плотный человек, очевидно, бояльских кровей, осмотрелся и направился напрямик к столу Емельяновых.

– Так вот вы где! – глубоким басом пророкотал мужик и раскинул руки, словно хотел обнять старых друзей. – Гутен в морден, гостюшки дорогие!

– 3-здрасьте, – выдавил ошарашенный Иван.

– Сидите-сидите, – сказал незнакомец, хотя никто и не пытался встать. – Я, с вашего позволения, с вами рядком...

Визитер опустился на лавку рядом с Егором и оказался перед Шарапкой, сидевшим рядом со Старшим. Мальчуган открыл было рот, но мужик метнул в него пронзающий взгляд, и парень усиленно занялся едой.

– Эй, баба, подь сюда! Лучшего зелена вина мне и моим драгоценным гостям! – распорядился незнакомец.

Егор посмотрел на Ивана, тот скорчил рожу, мол, сам ничего не понимаю.

– Спешу представиться, боялин Полкан Люлякин-Бабский, – помпезно отрекомендовался визитер, произнеся концовку фамилии как «Бабскай». – С кем имею честь?

– Я Иван, он Егор. Дембеля, – кратко представился Старшой.

Боялин явно был впечатлен. Он, естественно, не знал понятия «дембель» и предположил, что это какой-нибудь высокий немчурийский чин.

Если вспомнить анекдот про то, как генерал толкал грузовик, заполненный дембелями, то Полкан не слишком-то и ошибся. Важнее дембеля чина нет.

– Что ж, рад знакомству, господа дембеля, – изрек Люлякин-Бабский. – А имена у вас один в один с нашими.

– Сами удивляемся, – сказал Иван.

Хозяйка подала вина и новые кружки. Боялин разлил собственной рукой, провозгласил тост:

– За дружбу между крепкими соседями!

Церемонно чокнулись, выпили. На вкус братьев Емельяновых, вино было марки «Шеф, два уксуса, пожалуйста». Полкан выдул свою кружку залпом.

– Ну, и как вам у нас? – поинтересовался он.

– Непривычно, – ответил Иван.

– За это надо выпить, – заявил боялин, принимаясь разливать по новой.

– Между первой и второй перерывчик небольшой, – брякнул Егор.

– О, да вы знатоки наших присказок, – удивился Полкан.

– Фольклор, блин, – закрыл тему ефрейтор.

«Точно немчурийцы!!! Я уж испугался, что ошибся. Говорят чисто, но непривычно, да, – ликовал в душе Люлякин-Бабский. – Фольк – это по-ихнему народ, а лор? Шут знает. Наверняка что-то плохое. Они желают зла нашему народу?! Тьфу ты, нет же. Скорее всего, желают залить горло по-народному!»

– За великие народы! – провозгласил боялин, и все выпили. Даже Шарапка просто-кваша хлопнул.

Иван слегка захмелел. Совсем чуть-чуть. В таком состоянии на него напала задумчивая меланхолия. Старшой подпер голову рукой и погрузился в мысли.

– А какими судьбами вы к нам прибыли? – закинул удочку Полкан.

– Вот... Мир потеряли... Ищем, – автоматически ответил Иван. – И найдем!

Он хлопнул ладонью по столу. Егор хмыкнул, мол, слабоват братка.

Люлякин-Бабский вздохнул с величайшим облегчением: «Значит, мира искать пожаловали. Боги мои, счастье-то какое!»

Бояльская рука потянулась к бутылки.

– Господа дембеля! Мы будем величайшими грешниками, коли не выпьем за мир.

– За мир, – поддержали близнецы.

Потом Полкан категорически настоял на том, чтобы прославленные дембеля поселились в его хоромы. Братья Емельяновы были только за.

– Зависнем на хате, – сказал Старшой.

Боялин расплатился, парни попрощались с Шарапкой и отправились к Люлякину-Бабскому «на хату».

Хоромы впечатляли. Они вряд ли уступали княжеским по внешней крутизне и внутренней роскоши. Веселая компания расположилась за идеально отполированным дубовым столом.

– Между прочим, легендарный стол. За ним пировали Ослохан со Слондром, – похвастался Полкан.

На близнецов эта информация не произвела никакого впечатления. Егор вообще решил, что Аслахан и Слон Дрон – какие-то крутые преступные авторитеты.

В последующие пять часов Люлякин-Бабский и Емельяновы сделали все, чтобы обезценить дорогий стол. Когда собираются три мужика, говорящих по-русски, они знают, о чем столкнуться. Соображение на троих – древнейшая традиция, а мы традиции свято бережем, пока хватает сил.

Силы покинули господ дембелей и боялина глубокой ночью. Результатом стал серьезный ущерб личному винному погребу Полкана. Хозяин намеревался вызнать у немчурийцев их истинные цели. Близнецы и не таились. Наоборот, обстоятельно рассказали о своих злоключениях, причем немногословный Егор под действием выпивки обрел истинное красноречие. Боялин то замирал в ужасе, то счастливо смеялся, но поутру ничего не смог припомнить. Он тоже изливал наболевшее, словно гости являлись самыми преданными ему людьми. Никто не ведает, сколько тайн выболтал Полкан. В дембельских головах не застряло ни крупицы ценной информации.

Боялин открыл глаза и поморщился от ощущения полнейшего краха страдающего организма. Болела голова, драло горло, тошнило, крутило живот, руки-ноги были ватными. Сердце колотилось, будто дятел-рекордсмен.

– Да, давно я так не напивался, – просипел Полкан.

Слуги у Люлякина-Бабского были молодцы: еще ночью перенесли отрубившихся собутельников на кровати. Боялин утопал в мягкой перине, но даже кайф от этого ощущения парения не мог перебить общей хреновости дел.

Самое страшное, Полкан ничегошеньки не помнил. Полезного. Наоборот – несущественное так и лезло на ум. Боялин точно знал, что он уважает послов и что они уважают его. Еще немчурийцы отлично пели, да и сам Люлякин-Бабский очень даже неплохо выступил. Хотя на самом деле троица устроила форменный фестиваль кошачьей песни. Кроме того, в бояльском мозгу постоянно вертелся какой-то умрун. И все.

– Надо меньше пить, – произнес заклинание Полкан.

О, сколько раз давалась эта клятва! Кто только не приходил к этому верному выводу! В то скорбное утро боялин и близнецы Емельяновы были единомышленны, ведь Егор повторил магическую формулу дословно.

Братья валялись в гостевых покоях и умирали от похмелья.

Кровати – выше всяких похвал. Кто-то даже снял с близнецов форму, чтобы не мялась. Рядом с каждым страдальцем стоял кувшинчик с ключевой водой. Полный пансион, как сказал Старшой.

На реабилитацию ушло полдня. Но и ожив, Егор да Иван пребывали в невероятной меланхолии.

Самочувствию дембелей вторила погода: тучи проносились над самой землей, а выше сизела плотная завеса облаков. То и дело принимался лить назойливый дождик. Ветер был неистов.

– Погодка – швах, – констатировал Старшой, подойдя к окну.

Терем располагался на возвышении, поэтому городская стена не мешала обзору. За Тянитолкаевым раскинулось необъятное поле. Где-то вдали чернела лента реки, а за ней границу земли и неба очерчивала темная полоска леса.

– Почему они построили город не на реке, а здесь? – озаботился Егор, тоже пожелавший насладиться видом.

– Разлива боятся, – предположил Иван. – Вон, по ящику как-то показывали репортаж про поселок. Его заливают каждый год, люди уезжают или на крышах ночуют, а потом все равно возвращаются. А смысл? Никакого. Сплошной геморрой.

– А дома сейчас, небось, телик зырят, – вздохнул Емельянов-младший.

– Угу. Представляю, что бы он тут стал показывать.

Старшой залез в карман и извлек злополучную газету. Нашел программу телепередач, зачитал вслух:

18:00 Вечерние хреновости

18:20 Ток-шоу «Заткнись, когда разговариваешь» с А. Малахольным

19:00 Поле чудил

21:00 Извести

21:30 «Спасение рядового-дембеля». Драма. Режиссер: Стивен

Шпильберг.

– Братка, выбрось ты эту газетенку на фиг, – взмолился Егор.

– А что? Здесь-то как раз все очень хорошо угадывается. А фильм Спилберга – туфта, наше старое кино про войну куда лучше.

Иван попал в десятку. Близнецы любили советские военные фильмы, в детстве они пересмотрели все от опереточного «В бой идут одни старики» до самых серьезных и тяжелых. Например, «Господин Великий Новгород». Но самые теплые воспоминания остались от саги о Штирлице.

Тут Емельяновы принялись дурачиться, вспоминая сцены боев с «фрицами».

– Аларм! Аларм! Партизанен! Шайсе! – поддельвал испуганные голоса Старшой.

Егор некоторое время имитировал звуки автоматных очередей и взрывов, потом сурово приказал:

– Хэнде хох, херр офицер!

– Нихт шиссен! Их бин сдавайсья, – жалобно запричитал Иван, корча испуганную рожу и поднимая руки вверх.

Подслушивавший под дверью Полкан отнял ухо от скважины и удовлетворенно пробормотал:

– Ссорится немчура. Наверное, послы боятся, что по пьяной лавочке выболтали государственные секреты. Это мне на руку.

Боялин мерзко хихикнул, но тут же скривился – в больной голове будто колокол ударил. А настроение дембелей потихоньку улучшалось. Они надеялись на помощь Скипидарьи.

– Должно же нам повезти, – сказал ефрейтор.

Иван промолчал. Не Егору говорить о везении.

Вскоре в гостевые покои явился слуга, шустрый паренек лет шестнадцати, и позвал на трапезу. Есть совершенно не хотелось, но не откажешься же!

– Проходите, гостюшки иноземные! – радушно пророкотал Полкан.

Он уже пришел в норму, и близнецы ему, естественно, позавидовали.

– Мы, счастливые жители Тянитолкаева, владеем секретом опохмела, – похвастался Люлякин-Бабский. – Прошу принять по стаканчику. Сие есть рассол на живой воде.

И действительно – сделав по паре глотков, Иван да Егор почувствовали, как стремительно проходит ломота в теле, гул в голове и прочие неприятные явления.

– Ух, – выдохнул Старшой. – У нас такого нету.

Полкан поднял указательный палец:

– Вот то-то и оно! А мы можем поставлять волшебный напиток бочками. В знак искренней дружбы я дарю вам лично по большому кувшину. Кстати, насколько я знаю, вы прибыли налегке. К несчастью, на дорогах орудуют разбойники. Моими стараниями Тянитолкаевское княжество избавилось от лихих людей, но соседи пока не справились с этой напастью. Неужели вас ограбили в пути?

Егор, как всегда, промолчал, а Иван ответил чистую правду:

– Так получилось, что нас выпихнули под откос, а все наши вещи поехали дальше.

– О, проклятые разбойники! – сокрушенно возопил боялин. – А ведь природа нашего края сурова... Позвольте от чистого сердца вручить вам по замечательному плащу.

«Во прет! Чего бы еще выбить из дяденьки спонсора?» – подумал Старшой.

«Какой добрый человек», – умилился Емельянов-младший.

«Задарю их в пух и прах. Тогда они у меня вот где будут». – Полкан сжал кулак.

– А теперь прошу к столу, – сказал он. – Правильное питание – залог доброго здоровья.

Глава четвертая

В коей близнецы обретают цель, а местная знать делает сильные ходы

Бойся делать, а сделав, не бойся.

Чингисхан

Пророк и власть. Власть и пророк. Сколько раз правители пытались влиять на провидцев и гадалок, прикормить или запугать их. Напрасная трата времени. Через пророков говорит судьба, а ее-то как раз не приручишь.

Покорные Перуну старики и кроткие служительницы Мокоши не боятся ни княжеского гнева, ни бояльского кнута. Мудрые властители держат прорицателей на расстоянии. Слабые и глупые – приближают к себе. Трусливые и бесчестные – убивают.

Князь Световар старался не замечать гадалку Скипидарью.

Боялин Люлякин-Бабский бабку побаивался, но трогать не мог, ибо пророк – достояние народное. Он как воздух, вода и земля – для всех. Поди-ка отними у людей воздух.

Но порой пути Полкана и Скипидарьи все же пересекались. Вот и в похмельное утро заглянул к старушке парубок из личной охраны боялина, юный да разумный Малафей.

Брякнул в мокрый от дождя колоколец. Стал ждать, прячась под капюшоном. Гадалка отворила.

– Здравствовать те многие лета, бабушка, – почтительно склонился посыльный.

– И ты живи долго и не болеючи, Малафей, – ответила Скипидарья. – Ладно ль твоя матушка себя чувствует?

– Благодарю, хорошо.

Старуха сверкнула гневными очами:

– Не ври мне, дитя неразумное! Ты у нее когда в последний раз был?

Парень потупился.

– Знаю, чего пришел, – проворчала гадалка. – Передай, что они обратились ко мне за советом, как лучше домой вернуться. И все.

– Спасибо, бабушка, – поклонился Малафей.

– Не на чем, глупый. Тебя от бояльского гнева уберегаю. Самому бы Полкашке ничего не сказала. Ступай, некогда мне.

На том и расстались. Старушка продолжила рыться в древних книгах, а Малафей поспешил с докладом к Люлякину-Бабскому.

Посыльному пришлось подождать: сначала боялин почивал, потом изволил трапезничать с немчурийскими гостями, затем принимал охотников. Все-таки проблема дракона тоже требовала решения. Малафей парился под дверью залы, где по обыкновению проводил важные встречи Полкан.

Трое княжеских охотников-следопытов держали ответ перед боялином.

– Рассказывайте, что разведали о драконе, – велел Люлякин-Бабский.

– Змей воистину огромен, – откашлявшись, начал первый следопыт, немолодой бородастый дядька.

– А огнем пышет, мое вам почтение, – добавил второй, парень-здоровяк. Его лицо пересекал шрам, полученный в поединке с медведем.

– Не летуч, – сказал самый юный да щуплый.

– Так, значит, вы его наконец-то увидели? – спросил боялин.

До сего момента никому не удавалось засечь дракона, хотя повсюду в окрестностях Тянитолкаева встречались его следы: отпечатки лап, выжженные полосы леса, поваленные и обглоданные наголо деревья. Крестьяне слышали леденящий душу рык и довольную раскатистую отрыжку. Позже мужики нашли полупереваренные скелеты коров, лосей и живности поменьше, включая человека.

Народ роптал, поползли слухи, дескать, змей невидим. Настроение тянитолкайцев приближалось к отметке панического. Драконы в последние века вообще стали редкостью, отвык люд, а тут еще и такая неопределенность. Власти княжества понимали, что миф о невидимости следовало развенчать как можно скорее. Правда, пока не получалось. Вот почему в вопросе Люлякина-Бабского сквозила плохо замаскированная надежда.

Охотники смутились, но ответили почти хором:

– Нет, твое боялское величие, не встретился нам змеюка поганый.

Полкан стукнул кулаком по ладони:

– Так откель вы все про него знаете?

– Ну, мы же следопыты, – сказал бородач.

– Все примечаем, – поддержал его детина со шрамом. – Дракон одноглазый. Ветви деревьев объедены только справа.

Вклинился младший:

– Еще он хром на заднюю лапу. След не такой глубокий, как остальные. Стало быть, бережет.

Чувствовалось, что охотники тайно соревнуются, кто больше особенностей заметил.

– Насморк у него, – дополнил бородач.

Тут он удивил даже коллег.

– С чего взял? – вскинулся детина.

– Одной ноздрей жар выдувает. Трава и деревья так опалены.

– И то верно, – кивнул молодой, досадуя на собственную невнимательность. – Зато я уверен, что змей самец.

– Это уже перебор, – сказал боялин.

Юноша сверкнул голубыми очами:

– Я поясню. Наш дракон слишком разумно и последовательно себя ведет. Он умеет ждать, тщательно планирует нападения на стада, избегает людей...

– Да, на бабу мало похоже, – перебил Полкан. – Только нам это ничего не дает. Хищник разоряет округу. Надо его извести или отпугнуть, а не пол евонный определять. Не того мы ждем от лучших княжеских охотников.

– Я больше на медведя горазд, – пробормотал богатырь со шрамом.

– А я на копытных, – буркнул бородач.

– Я вообще мастер-птичник. Силки, ловушки. А змей, как я говорил, не летуч. Не моя это дичь.

– Ах вы, спинокусы-нахребетники! – обозлился Люлякин-Бабский. – Чья же он дичь? Может, моя?

– Не гневайся, твое боялское величие, – проговорил старший. – Дракон соперник богатырю, а не охотнику.

Полкан тяжело вздохнул. Перевелись богатыри. Давным-давно перевелись. Самые древние сравнялись с богами. Младшие окаменели в последнем своем бою. Потом появлялись богатыри-внуки, но они не шли ни в какое сравнение с прославленными древними ратоборцами. Предание гласило, что последние заезжие витязи, взявшие в память о великих предках имена Ильи, Добрыни и Алеши, прошли по этой грешной земле, когда она еще звалась Рассеей. А нынче ни богатырей, ни Рассеи. Так, набор разрозненных княжеств под

общим названием Эрэфия. Ни цели общей, ни судьбы. Лишь одна на всех позорная обязанность платить дань мангало-тартарам...

Боялин вернулся к более насущному.

– Ладно, спасибо и на том, что поведали, – сказал он охотникам. – Но будет лучше, ежели вы наконец-то обнаружите гадину.

– Ох, ваше боялское величие, – ответил за всех бородач. – Вскоре она сама появится, ибо подбирается ближе и ближе к славному Тянитолкаеву.

– Чтоб у тя язык отсох! – воскликнул Полкан и замахал на охотников, мол, проваливайте, пока совсем не разозлили.

Настал черед Малафея.

* * *

После позднего обеда братья Емельяновы отправились к бабке Скипидарье.

Подаренные Люлякиным-Бабским плащи бесподобно согревали и укрывали от мороси. Кроме того, они были оторочены ценным куньим мехом – местным признаком крутизны. Соболя носили исключительно князья, а куница была официальным зверем боялства.

Иван да Егор шлепали по неглубоким лужам. Армейские ботинки отлично защищали ноги. Близнецы спорили, нужно ли злоупотреблять гостеприимством Полкана.

– Знаешь, братан, – сказал Старшой. – Мы его за язык не тянем. Этот богатей сто пудов попутал нас с кем-то другим. Не пойму, с кем. Главное, вовремя смыться.

– Вот именно, тут какая-то ошибка, – пробурчал ефрейтор Емеля. – Как бы нам не пришлось за нее расплачиваться.

– Ты слишком циклишься на возможных косяках, потому тебе не везет, – наставительно заявил Иван. – Сто раз тебе говорил: учись мыслить позитивно.

Старшой даже обернулся к брату и потряс пальцем, чтобы правильные слова были усвоены должным образом. Тут Иван и столкнулся плечо в плечо с неким воином.

– Смотри, куда прешь! – гаркнул незнакомец.

– Сам не спи! – огрызнулся Старшой, заведенный беседой с упрямым братом, а потом стал рассматривать воина.

Это был крепкий парень лет двадцати семи. Кольчуга под кожаной робой, закрывающей металл от дождя, меч на поясе. Штаны с защитными пластинами. Старые, но крепкие сапоги с высокими голенищами. Иван оценил лицо. Упрямый каштановый вихор, широкие скулы. Нос картошкой, глаза карие.

– Ты кто таков? – раздраженно спросил дружинник.

– Не твое дело, – ответил Старшой.

– Я тебя в бараний рог согну, щегол.

Егор, до сей поры сохранявший нейтралитет, отмер и исполнил красивый хук. Бойцу-скандалисту следует отдать должное: он устоял на ногах, просто «поплыл».

– Спасибо, брат, – хмыкнул Иван, отодвигая с дороги ошеломленного незнакомца. – Стопроцентный нокдаун. Дополню свою мысль. Как я уже говорил, главное – смыться отсюда, пока не появятся те, за кого нас принял наш официальный спонсор. А еще до того, как мы перессоримся со всеми местными дружинниками.

Егор пожал плечами и процитировал бойца:

– Смотри, куда прешь.

Остаток пути прошли молча. Старшой удивлялся неожиданно проклянувшемуся у брата чувству юмора, а ефрейтор размышлял о том, что хук получился чрезвычайно быстрым и мощным. Нет, Егор не впервые исполнял этот удар столь удачно, но сегодня вышло просто идеально. Емельянов-младший ощущал прилив сил и ловкости. Нечто средни куражу, кото-

рый иногда испытывает каждый человек. Только возникла уверенность: прилив не минутный. Будто прыгнул на новый уровень мастерства.

В пасмурную погоду дом Скипидарьи выглядел еще мрачнее и загадочнее.

Позвонили. Через полминуты старушка открыла.

– Заходите. Плащи сымайте, книги влагу не любят.

Усевшись за знакомый стол, покрытый зеленым сукном, близнецы приготвили слушать бабу, но ошиблись – она начала с вопроса:

– Соколики мои, почувствовали ли вы что-либо необычное, попав к нам?

– Ну, я стал сомневаться в собственном рассудке, – сказал Иван.

– Нет, я не об том, – ласково улыбнулась гадалка.

Подавал голос Егор:

– Я это... Прямо пять минут назад понял, что сделался типа сильнее и ловчее.

– Ага! – Скипидарья удовлетворенно покивала и взяла со стола книгу в черном кожаном переплете. – Это труд великого чародея, проживавшего в Закатных странах. Он предрек ваше появление. Сей ведун известен как Склеразм Роттердамский по прозвищу Настрадаюс. Дар его был велик и бесполезен одновременно. Он совершенно не помнил, кому и на какое время предсказывает. Путанные свидетельства своих прозрений Склеразм записывал в рифмованные куплеты. Вот послушайте: «На горе стоит статуя, у статуи...» Нет, простите, это не здесь. А, вот!

К нам грядут два близнеца,
Словно двое из ларца.
Первый – умный – будет маг,
Младший – сильный, но дурак.

– Сам он дурак, этот твой Настрадаюс. Я бы ему дыню наколотил за такие стишки, – обиделся ефрейтор Емеля.

Гадалка покачала головой:

– Егорий-Егорий, он потому и Настрадаюс, что всякие несмышленные наглецы его колодили за предсказания.

– Ну, ладно тебе, бабушка, – вступил Иван. – Твоя частушка кому угодно подойдет. Да, братан у меня сильный, его и дома поколотить так никто и не сумел. Но я-то не волшебник.

– Не спеши, соколик, – произнесла вещунья. – Каждое четверостишие Склеразм Роттердамский сопроводил уточнением. Читаю: «Из иного мира выйдут в наш два не демона, но мужа. Братья, да непохожие. Очарованные, они либо станут надеждой восточным народам, либо погибелью им же». Думаю, толкования излишни.

– Давай, Вань, наколдуй чего-нибудь, – прикололся Егор.

– Оборжаться, – прокомментировал Старшой. – Бабушка, я не хочу становиться ни надеждой, ни погибелью. Нам бы домой...

– Тут я с тобой, милый мой, целиком и полностью согласна. Чем раньше удастся выпихнуть вас из нашего мира, тем лучше. Вдруг вы никакая не надежда! Я пробовала заглянуть в будущее, но судьба ваша покрыта пеленой неопределенности. Я вам больше скажу: ваше присутствие влияет на мою способность предрекать, даже если я занята другим посетителем. Вчера забежал купец, хотел получить картину на пять лет вперед. А я ничего не вижу! Несколько недель, не боле. Сперва думала, это от моей несобранности. Я же слегка разозлилась: он меня от книг оторвал. А затем пришла убежденность – грядет великая перемена. А уж с вами ее увязать – грошовой дело.

– Что-то ты нас вообще запугать решила, – пробормотал Иван.

– Больно оно мне надо. Я сама люто испугалась. И, заметь, в самый первый ваш приход. Сердце гадалки не обманешь.

– Нас дома ждут, – напомнил ефрейтор.

– Умница, Егорий Василич! О главном не забыл, хоть и дурак... – Скипидарья глянула в лицо Емельянова-младшего и осеклась. – Я имею в виду, дурак по стихотворению Настрадаюса! Хм, воистину, настрадаюся я с вами, хи-хи.

Близнецы-дембеля ждали конструктивной информации, и гадалка подумала, что совсем потеряла голову, страшась этих глупых, но чрезвычайно важных для судеб мира парней. «Возьми себя в руки», – велела она себе. Сделав глубокий вдох, ворожея приступила к важному:

– Внимайте, неразумные. Промеж мирами надобно открыть врата и наладить мост. Это деяние самого высочайшего уровня волшебства.

– То есть, ты не сможешь? – уточнил Старшой.

– Где уж мне, простой деревенской бабке! Сие колдовство требует неизъяснимой точности и неизмеримых затрат магических сил. Малейшая ошибка приведет к гибели всего сущего. – Она лукаво прищурилась. – Вот я и думаю, может, вы туточки, у нас, останетесь? Здесь удалым молодцам вольготно. Соглашайтесь, соколики!

Близнецы, не сговариваясь, ответили в унисон:

– Не, нам домой надо!

– Я так и знала, – вздохнула старушка. – Уже по этой причине вы таите в себе величайшую опасность, ишь, дом вам подавай. А ведь, даже согласись вы остаться, произойдут – и уже происходят – страшные изменения.

– Ну, мы все не сожрем, местным останется, – ни с того ни с сего обиделся Егор.

– Да я не о том! При чем тут пища-то? – раздосадовалась Скипидарья. – Вы чужаки. Влияете на распределение жизненной силы. Неизвестно, большой радостью обернется ваше присутствие или тяжелейшими бедами. Поэтому вам во что бы то ни стало необходимо отыскать чародея, способного построить мост. И, промежду прочим, убрать его. Последнее едва ли не сложнее первого.

– Где ж нам его найти, чародея-то? – спросил Старшой.

– Вот она, загвоздка! – Вещунья хлопнула ладошкой по столу. – Измельчал нынче волшебник. Карты открыли мне, что один великий чародей все же есть. Только отыскать его способны лишь вы сами.

– Ни фиги себе, задачка! – сказал Егор.

– Да, Егорий свет Василич, в этом деле легких путей не бывает. Я вам способна помочь ровно двумя советами. Первое. Все предзнаменования говорят мне, что вам потребно идти на север. Постарайтесь посетить великого и несчастного многознатца по имени Бояндекс. Если кто и ведает, где взять великого колдуна, так это Бояндекс. Не перебивайте! Второе. Отправляйтесь как можно скорее. Лучше прямо сейчас. Давайте, соколики, я буду за вас молиться.

У боялина Люлякина-Бабского было много соперников. Самым непримиримым считался Станислав Драндулецкий. Естественно, предводитель партии слонов.

Он происходил от высокородных боляков. Больша – государство к западу от русских княжеств. Воинственные мужчины-боляки стремились захватить побольше, а болячки были чертовски красивы, но не вполне здоровы. Станислав унаследовал от отца воинственность и максимализм, а от матери-болячки – легкое косоглазие, которое становилось тяжелым в моменты гнева, страха или сильной усталости. Выросший в Тянитолкаеве, он искренне считал себя местным, полюбив здешнюю природу и даже людей, пусть они и были неотесаны да невежественны.

Он получил прекрасное образование, обожал музицировать на лютне. Правда, непросвещенные тянитолкайцы этот инструмент не уважали за название, полагая, что он придуман лютыми людьми. Драндулецкий слыл ценителем и поклонником парфюмерии. Он выписывал все новинки из закатных стран, предпочитая марку «Тыкверд и Зюскин». Ходили страшные слухи о рецептуре волшебных ароматов. Дескать, для изготовления парфюма мастера удушали красивых девок, мазали их салом, а после из этого сала гнали пахучую жидкость. Мол, оттого и духи, что девок душили. Станислав в эту ерунду не верил, правда, с некоторых пор стал ловить себя на мысли о красоте женской шеи и о том, как бы здорово взяться руками и... Тут боялин себя одергивал и гнал запретные думки подальше.

Он знал толк в одежде. Законодательницей мод была Парижуя. Там Драндулецкий заказывал наряды, а потом щеголял в самых дорогих и прогрессивных тряпках мирового уровня. Народ считал парижуйцев клоунами, а за гастрономические пристрастия и вовсе обзывал жабоедами. Станиславу прощались увлеченность глупыми обычаями, люди тихонько посмеивались и слагали о нем короткие потешные истории.

Тем не менее боялин не был простачком, оказывая существенное влияние на политику Тянитолкаевского княжества.

Драндулецкий, разумеется, прознал о немчурицах – гостях Полкана. Попеняв себе за нерасторопность, Станислав учинил разгон помощникам и велел им неусыпно следить за домом соперника, а также за парой иноземных визитеров.

В то время, когда близнецы беседовали с гадалкой, боялин Драндулецкий находился дома и играл в новомодную игру «боулинх». Для нее прямо на полу застилалась длинная ковровая дорожка, в конце которой расставлялись восемь прочных узких кувшинов. Игрок, находящийся на противоположной стороне, катал глиняные шары, стараясь сбить как можно больше кувшинов. Расторопный слуга расставлял их заново.

Станислав предпочитал шарам другой сфероид, который нельзя назвать предметом. Дело в том, что Драндулецкий владел самым настоящим колобком, то есть круглым живым караваем. С глазками, ушками, носиком и ротиком.

Высокий сухопарый боялин сорока годков устраивал колобку сеанс «боулинха» по двум причинам. Во-первых, Станислав имел садистские наклонности, а во-вторых, колобку нужно было провиниться, чтобы попасть на дорожку.

Сегодня разумный каравай принимал наказание за надругательство над булочками.

– Открой рот, – скомандовал тенорком Драндулецкий.

– А может, не нафо, хофяин?

Лучше бы колобок промолчал. Стоило ему заговорить, и боялин запустил перст в открытый ротик. Большой и безмянный пальцы очутились в ушках каравая. Станислав сделал широкий шаг к дорожке и запустил снаряд в цель.

– Ай! Ой! Ай! Ой!.. – вякал катящийся хлеб, пока не врезался в кувшины. – Уй-е!!!

– Замечательный удар, вашество! – польстил Драндулецкому слуга, хотя осталось стоять три кувшина.

Хозяин гордо задрал длинный нос к потолку.

– Чтob тебя рассейский провожатый до Москвы повел, – прошептал непонятное проклятие колобок. – Когда ж я зачерствею-то?..

Боялин хлопнул в ладоши:

– Катись-ка сюда, кулич. Призовая игра!

В дверь постучались.

– Кого там черт принес? – недовольно спросил Станислав.

Вошел дружинник, только что поссорившийся с братьями Емельяновыми. Глаз бойца заплыл, вид все еще оставался ошалелым.

– Ты ли это, Первыня? – Драндулецкий рассмеялся и провел рукой по своим коротко остриженным волосам.

– Все сделал, как ты велел, – буркнул парень.

– Так это они тебе засветили?

– Они, басурмане окаянные. Даром что немчурійцы. Бьют, как нашенские.

– Так они вдвоем тебя стали охаживать?

– Нет, водниром. Который здоровее, – нехотя признался Первыня.

– Ну, а ты ему зубы выбил? – Боялин нетерпеливо побарабанил длинными жилистыми пальцами по ремню.

– Ты же воспретил их калечить. – Дружинник совсем завял. – Честно говоря, не успел и глазом моргнуть.

Станислав зло хохотнул:

– Ничего, теперь наморгаешься. Значит, от гостей можно ждать чего угодно. То-то я и думаю: не похожи они на предыдущего посла. Тот был утонченной просвещенной натурой, а эти – головорезы. Уж не подсылы ли они к князю? Убьют нашего Световара к вящей радости Люлякина-Бабского... А где оне сейчас?

– У Скипидарьи.

– Хорошо, Первыня. Изыди. И не появляйся у меня, пока не призову. Еще не хватало, чтобы немчурійцы нас вместе увидали.

Дружинник ушел, а Драндулецкий обернулся к дорожке. Но продолжить «боулинх» ему не удалось – воспользовавшийся оказией колобок улизнул в другую дверь.

– Ладно, – усмехнулся Станислав. – Оно и к лучшему. Попробую перехватить послов.

Боялин размашисто зашагал к выходу, но остановился.

– Ты! – Драндулецкий ткнул пальцем в слугу. – Готовь письмо князю от моего имени. В первых строках, как водится, желай долгих лет. Потом укажи, что поганый змий, появившийся неделю назад, с каждым днем подбирается ближе и ближе к столице. В завершение отметь, дескать, прибыли немчурійцы. Представляются послами, но на поверку истинные головорезы. Есть уверенность, что их целью является светлое княжеское величество Световар. Все. Запомнил? Исполняй. Вернусь – перечитаю, подпишу, тогда отправишь.

Станислав пошел к дому ворожей. Ждать ему выпало не очень долго, и вскоре он лично увидел пресловутых визитеров. Звучит шизово, только из песни слова не выкинешь: предводитель тянитолкайских слонов был истинным саквояжем. Он оценил состояние послов и сразу же ринулся в атаку.

– Желаю здравствовать, юные мои друзья!

Пришибленные бабкиными откровениями близнецы растерялись.

– Здрасьте, – опомнился после длительной паузы Иван.

– А я вас, представьте себе, везде ищу, – продолжил наступление боялин. – Право же, не нужно быть провидцем, чтобы угадать: Скипидарья вас не обрадовала.

– Это точно, – признал Старшой, разглядывая жилистого долговогого незнакомца в очень дорогой одежде. Пахло от него элитно, особенно на фоне городской вони.

– Станислав Драндулецкий, – не замедлил представиться длинный.

– Иван.

– Егор.

«Кого они пытаются обмануть?» – промелькнула мысль в голове Станислава. Он улыбнулся еще шире:

– Очень и очень рад. Вы просто обязаны почтить мой дом своим присутствием.

– Спасибо, конечно, но мы остановились у боялина Люлякина-Бабского, – поосторожничал Старшой.

– Так можно ненадолго.

Ивану не хотелось болтаться по гостям, тем паче идти к этому сомнительного вида щеголю, но вмешался проголодавшийся Егор:

– Давай, братка, ходим. Проявим культуру, блин.

Старшой согласился. Станислав хлопнул ефрейтора по плечу:

– Вы не пожалеете!

– Только можно без выпивки? – жалобно спросил Егор.

– Можно, – заверил Драндулецкий. – Заполучить таких гостей – честь для любого боялина. Не хотите пить, значит, не надо.

Он повел братьев Емельяновых в свой терем.

Дом Станислава уступал хоромам Полкана так же, как те проигрывали княжым. Это обстоятельство нисколько не задевало Драндулецкого, потому что он был нацелен на иные идеалы. Тем не менее боялские покои в любом случае не хижина дяди Тома, а двум дембелям главное, чтобы не казарма. Впрочем, Иван сразу принялся кумекать, как бы поживиться еще и за счет Станислава.

Хозяин усадил гостей на мягкий диван, сам устроился в кресле.

– Пока готовится ужин, я бы хотел побеседовать с вами откровенно, без всякой сакво-яжии.

– Это мы запросто, – сказал Старшой.

– Оно и к лучшему. Я знаю, кто вы.

– Ну и что? – Ответ Ивана прозвучал настолько спокойно и нагло, что мигом вспотевший Драндулецкий подумал: «Боги мои, я сунул голову в дупло с пчелами. Передо мной хладнокровные убийцы».

Боялин проглотил комок, застрявший в горле, и произнес:

– Я восхищен вашей прямоотой.

– Спасибо, конечно. Нам с братом тоже приятно, – проявил такт Иван.

– Так вы принадлежите одному ордену?

– В смысле?

– Ты же сказал, что вы братья...

– Ну да. Родные. Единоутробные, – пояснил Старшой.

– Вот даже как! Любопытно, любопытно. – Станислав решил сменить тему. – И как вам наше княжество?

Иван ответил за обоих:

– В целом здесь очень неплохо. Странный город, этот ваш Тянитолкаев. Все напололам. По-моему, не самый удачный вариант.

– А вам не приходило в голову, что сие есть прекраснейшая картинка ко всей Эрэфии?

– Эрэфии?! – не смолчал Егор.

– Именно, – кивнул Драндулецкий. – Наша страна расположена на границе Заката и Восхода. Здесь встречаются два способа существования, две мудрости, две половинки, дающее одно целое!

У Ивана на этот счет было противоположное мнение, но он не стал возражать. Внимание дембелей отвлек прокатившийся по гостинной мяч с глазками.

– Это кто? – выдохнул Старшой.

– Колобок. – Станислав усмехнулся. – Живой каравай. Я бы добавил «умный», только он сам делает все, чтобы доказать обратное. Эй, а ну живо сюда!

– Здравствуйтесь, – буркнул колобок, выкатившись на середину залы.

– Гы, говорящий, – протянул ефрейтор, впадая в детство. – Колобок-колобок, я тебя съем!

Хлебец внимательно посмотрел на Емельянова-младшего. Потом сказал:

– Не ешь меня, добрый молодец, я тебе пригожусь.

– Я вижу, вы поладите, – подытожил боялин. – А сейчас приглашаю вас на игру. Он поднял колобка и повел гостей в нелюбимую комнату каравая.

Близнецы сразу распознали, что за развлечение приготовил хозяин.

– Боулинг! Откуда он здесь? – озадачился Егор.

– Обижаете, – оскорбился Драндулецкий. – Мы ж все-таки не столь отсталый народ, сколь привыкли думать наши соседи.

Он решил продемонстрировать, что тянитолкаевские боулеры не лыком шиты, и метнул колобка в кувшинчики. Каравай заойкал, подскакивая на дорожке. Сбил все восемь целей.

Станислав гордо посмотрел на визитеров. Те не выразили восторгов. Ефрейтор сказал вовсе неожиданное:

– А нас мамка учила, что хлебом играть грешно.

– Вот как? – смутился боялин. – Тогда оставим эту затею. Лучше отужинаем.

Никто не заметил, что в глазах колобка, услышавшего слова Егора, возникли маленькие слезки.

Усадив послов за стол, Драндулецкий отлучился на кухню, дескать, лично проверить, все ли готово. В действительности же сразу за дверью Станислав пробежался глазами по бумаге, написанной слугой, расписался и велел отправлять ее князю. Затем боялин шепнул на ухо повару краткое распоряжение и вернулся к гостям.

– Вы будете удивлены нашими яствами, друзья мои! – заверил Драндулецкий. – Утка, начиненная яблоками, молочный поросенок, а также закуски-разносолы, коих нет ни у Полкана Люлякина-Бабского, ни даже у князя Световара.

Слуги стали вносить блюда, и вскоре дембеля за обе щеки уминали аппетитно выглядявшие яства. Сам хозяин кушал помалу и не спешил. Он собирался разговорить немчурийцев, чтобы глубже проникнуть в их черные замыслы.

Трапезу скрашивало пение барда, нарочно приглашенного Станиславом из самой Парижуи. Немолодой исполнитель баллад променял подмостки родины на крепкое жалованье варварского вельможи и теперь услаждал слух близнецов и боялина:

Как амазонки воевали, мужчинам уж не воевать,
Они однажды царство взяли и стали короля пытаться.
Их метод был изрядно тонок – царь мог недолго протянуть,
Но вот царица амазонок пришла на пленного взглянуть.

Царь перед нею благородный: в чем родился, без тяжких лат,
Обезоружен, лишь дородный алеет рыцарский штандарт.
Итак, один он с ней остался, что их устроило вполне,
И в бастион ее ворвался на боевом своем коне...

...И, насладясь водой в пустыне, она клялась ему служить.
Так знайте, отроки молодые, чем можно даму победить:
Сильны же будьте ежегодно, будь то сентябрь, июнь или март,
И пусть алеет благородно ваш личный алчущий штандарт!

Драндулецкий жестом отослал барда и завязал беседу:

– Чем еще вас поразил Тянитолкаев?

– Да, я, кстати, о чем-то хотел спросить... Во, вспомнил! А где дружина? – спросил Иван, отправляя в рот малосольный огурчик, фаршированный икрой. – Мы за все время видели от силы пятерых охранников.

«Давай, басурманин, визнавай», – мысленно усмехнулся Станислав и ответил:

– Так на репе вся наша дружинушка. Нынче урожай репы просто сказочный. Крестьяне не справляются. Уж зима скоро, а мы все никак не уберем. Удивительно удачный год. А в одном селе репа выросла просто огромная. Дед тянул, не вытянул. Бабка ему помогать – ни в какую. Позвали внучку. Втроем не справились. В общем, пока дружинники не подсобили, не сдавался исполинский корнеплод.

– Битва за урожай, значит, – подытожил Старшой.

– Расскажите о своем государстве, я страсть как люблю всякие такие истории.

– А что рассказывать? – озадачился Иван. – Мы живем в великой стране. Вот, как раз отслужили в армии.

– Многочисленна ли она?

– Да не маленькая. Вооружения самые современные, огневая мощь вызывает уважение у всего мира. Мы с братом поддерживали, что называется, боеспособность и наконец-то демобилизовались.

Боялин не знал, что означает последнее слово, оно звучало зловеще и торжественно одновременно. Так говорят о некоем событии, к которому стремились, над приближением которого упорно работали, и вот оно стало явью. «Страшные люди», – утвердился в мысли Станислав, ощущая, как сползаются глаза к переносице. Разволновался, что поделать.

– Отведайте киселя, юные друзья! – проворковал он.

Решив не обижать хозяина, дембеля поднажали на кисель.

– Вкусный, – признал Иван. – Только что-то в сон клонит...

– Ах ты, суппорт с фартуком! – Егор смог встать и даже потянулся через стол к цыплячьему горлу Станислава, но так и рухнул между поросенком и уткой, начиненной яблоками.

Глава пятая

В коей раскрываются особенности тянитолкаевской власти, а герои... ох, бедные герои!

Мы с вами дискутировать не будем, мы вас будем разоблачать!
Академик Лысенко

– Какой же я лопух! – возопил Полкан Люлякин-Бабский и запустил кубок в стену. Вино расплескалось в полете. Бронзовый кубок звякнул и отскочил, покатился по полу. За окном висели вечерние сумерки, усиленные пасмурностью.

– Но ты-то, ты-то куда смотрел, пустая башка? – заорал Полкан на притихшего Малафея.

– Так я же у тебя был, боялин-надежа, – попытался оправдаться посыльный.

Люлякин-Бабский принялся мерить шагами светлицу.

«Как же все благолепно складывалось, – мысленно досадовал он. – Прикормил, приодел. Малафей вызнал, какого рожна немчурийцы делали у гадалки... Ну, Станислав, бестия приبلудная! Из-под носа увел басурманчиков».

– Не спускать глаз с дома Драндулецкого. Пшел вон! – Полкан выместил зло на слуге.

На сегодняшний вечер было назначено заседание думы. Боялин надел легкую кунью шубу да шапку повыше и отправился в главный терем города.

Зала для заседаний заслуживает отдельного описания. Это была обширная комната с трибунами наподобие тех, что строились в римском Колизеуме. Трибуны делились надвое – на правую и левую части. Справа сидели слоны. Слева – ослы. Поэтому иногда их называли не слонами и ослами, а правыми и левыми. Тесть Люлякина-Бабского, упомянутый выше боялин Меньжуйский, даже написал труд «Детская болезнь левизны у ослов». Членам партии ослов было обидно, а другой пользы работа Меньжуйского не принесла.

Над правой трибуной красовался лозунг «Тянитолкаев – родина слонов!». Над левой – «Не тот осел, кто глуп, а тот глуп, кто не осел!». Оба считались крайне неудачными, но раз повесили предки, то грех менять.

Посредине залы покоился огромный гранитный камень Кон. Давным-давно на его поверхности был высечен бояльский кодекс: «Направо пойдешь – чти Слондра, налево пойдешь – уважай Ослохана»... И так далее – четыре грани, исписанные мелким шрифтом.

На каждом заседании обязательно присутствовало оцепление, составленное из княжеских охранников. Стражи имели единственную задачу: не допустить потасовок, ибо бояле частенько разгорячались в спорах до состояния, когда слов уже не хватает, а энергии еще много.

У думы был специально назначенный князем начальник. То ли шкипер, то ли спикер, никто не помнил, поэтому называли его на народный манер – балаболом. Балабол вел заседания, следил за очередностью выступлений, а также подсчитывал голоса, когда какой-либо вопрос ставился на Кон.

К сожалению боял, ныне балабол сопровождал князя в дальней поездке, что делало заседания мучительно бестолковыми. Всякий раз думцы пытались выбрать временного балабола, но кандидатуры левых категорически не устраивали правых, и наоборот. Кон пустовал третью неделю.

Некоторые горячие головы стали поговаривать о самороспуске. Это старинный обычай, когда думцы распускаются: бражничают, гуляют, ведут себя вызывающе и даже по-хамски.

Здесь лидеры обеих партий были единомышленны. В тяжкую годину пришествия к стенам Тянитолкаева дракона самороспуск попросту невозможен.

Вечернее заседание долго не начиналось, потому что бояле собирались убийственно медленно. Наконец скопилось число думцев, нареченное хворумом. По традиции, хворум – предельное число хворых, без которых вполне можно обойтись при голосовании. Считалось, что нет иных причин отсутствия на заседании кроме болезни.

Итак, хворум собрался, и работа думы закипела.

– Народ бает, дескать, боялин Станислав тайно принимает у себя немчурийских послов, – громко заявил Полкан.

Гул мгновенно стих. Все бояле знали пересуды о паре загадочных молодцев.

– А я слышал, что двое иностранных злоумышленников ночевали у тебя, Люлякин-Бабский, – звонким тенором ответил Драндулецкий.

Он намеренно опустил звание, и все это отметили.

– А с какого переляку, Стасик, ты решил, что они умышляют зло? – прогремел Полкан. Его грузная фигура высилась над рядами сидящих думцев.

Долговязый предводитель слонов тоже поднялся на ноги, простер тонкую аристократическую руку над собранием:

– Известно ли вам, братия, что двое подсылов собирались покунуться на князя Световара?

Люди зароптали. Станислав продолжил:

– К нам пожаловали отнюдь не саквожи, а настоящие воины. Я лично предпринял проверку. При первых же признаках разлада они избивали моего человека. Во время беседы со мной злоумышленники старались вызнать, где наша дружина. Учитывая их опасность, пришлось принять меры.

– А если ты ошибаешься и они все же послы? – продолжил настаивать Люлякин-Бабский.

– Окстись, Полкан, – отмахнулся Драндулецкий, – ни для кого не секрет, что ты метишь на княжество.

Бояле загалдели. Получалось, главный осел княжества заодно с подсылами!

– Напраслину возводишь, кощей престарелый! – взревел Полкан. – Кабы оне лазутчиками были, стали бы в открытую по Тянитолкаеву хаживать? Нешто немчурийцы глупее нас?

– Вообще-то глупее, – зароптали ослы, знаменитые нелюбовью к закатным странам.

– Не глупее! – подтвердили слоны.

– Так или иначе, я пленил их. Приедет князь, он нас рассудит, – сказал Станислав и сел. Он чувствовал, что из-за волнения у него скосились глаза, и предпочел спрятать лицо.

Люлякин-Бабский не унимался, тряся перстом в сторону соперника:

– Зрите, соратники, подлейшего из нас! А ежели гости и вправду послы, а? Ну и ну, братья слоны, не ожидали мы от вас такой каверзы. Хотите углубить ссору с Немчурией? Валяйте! – Полкан сделал паузу. – Хотя нет! Я требую срочно вернуть мне гостей. Станислав перехватил их, когда они шли ко мне домой.

Обвиненный боялин не выдержал, вспылит по-настоящему:

– Они воспользовались моим приглашением! Пошли по своей воле. Видать, у тебя было не вольготно.

– А чего это ты глаза к переносице собрал? Бреешь опять? – привязался к недугу Драндулецкого Полкан.

– Сколько раз просил! – взвыл Станислав.

Началась длительная бояльская склока, которую сами думцы называли на закатный лад дискуссией. Охрана напряглась, готовясь остановить драку, ведь спорщики в любой момент могли перейти к физической аргументации своей правоты.

В обычаях боял были так называемые пленарные совещания. Их устраивали после обычных, на улице, без охраны. Сегодня в думской зале витало отчетливое предчувствие «пленарки».

Егор Емельянов очнулся в сыром темном помещении. Он лежал на соломе, притом в очень неудобном положении. Правая рука онемела. Ефрейтор пошевелился и загремел цепями. Выяснилось, что руки и ноги богатыря-дембеля закованы в крепкие «браслеты», а цепи крепились к большому кольцу в стене.

Емельянов-младший дернулся. Бесполезно.

Огляделся. Темная каменная каморка с единственным окном под потолком. Да и то, не окном, а зарешеченной щелью, в которую проникал смутный свет. Мощная дубовая дверь. У противоположной стены валялся Иван.

Тишина давила на уши, как вода при нырянии на большую глубину.

– Братка! – сипло позвал Егор.

Старшой и ухом не повел. Ефрейтор заворочался, пытаясь сесть. Получилось.

Иван проснулся от звона Егоровых цепей, принялся возиться, брэнча своими.

– Доброе утро, – сказал младший брат.

– Угу, офигенно доброе, – пробурчал Старшой. – Воняет, блин... Сдох кто-то, что ли?

– Тот, кто до нас тут парился.

– Шутничок. – Иван уселся, привалился спиной к стене. – Значит, опоил нас косоглазый. Мне он сразу не понравился, а я, наивный юноша, тебя послушался.

– Ну, не повезло, – надулся Егор.

– А когда тебе везло-то?

Ефрейтор промолчал. Сержант, злящийся на брата, постарался осмыслить ситуацию: «Все карты в руках Станислава. Зачем ему понадобилось нас сажать? Вдруг этот худощавый перец – отъявленный маньяк? Потрошитель. Тогда мы попали по полной программе. Пока забудем эту версию. Что еще? Политика. Борьба с Полканом».

Дверь открылась, в каморку вошел боялин Драндулецкий. Он отчаянно морщил нос, не в силах терпеть тюремные запахи. До дембелей донесся аромат духов Станислава. Смешавшись с затхлым, провонявшим сыростью и падалью воздухом, этот аромат стал особенно невыносим.

Лоб боялина украшала здоровенная ссадина.

– Чего уставились? – почти взвизгнул Драндулецкий. – Работа в думе сопряжена с опасностями. Для народа стараемся, живота не жалеем.

Тут вельможа спохватился: нужно ли оправдываться перед иноземными злоумышленниками? Обернулся к охраннику, держащему факел:

– Они надежно прикованы?

– Да, ваше боялство.

Станислав прогулялся между пленниками, разглядывая грязную солому, которой был обильно засыпан пол. Остановился, потрогал ссадину. Заговорил:

– Я знаю о вас все. Проклятый Люлякин требует вас отдать, но я такую глупость не содею. Вы смертельно опасны, особенно здоровяк. До приезда князя посидите под замком. Если хотите признаться в своих подлых намерениях сейчас, то я внимаю. Может, Световар смилостивится и заменит казнь каторгой.

– Не в чем нам признаваться, – отрезал Иван.

– Что ж, я и не надеялся на сотрудничество. Заговор налицо.

Боялин покинул узилище, брезгливо поддерживая полы куньей хламиды.

Охранник отомкнул часть цепей от колец и запер дверь.

– Попали... – вымолвил Егор, разминая руки. Теперь стало свободнее, хотя арестанты напоминали кукол-марионеток.

Старшой лишь скрипел зубами. За кого их все-таки принимают?

Перед гадалкой Скипидарьей стояла серьезная этическая проблема. Всякая предсказательница в курсе, что нельзя распоряжаться своим знанием, непосредственно влияя на события, которые предрекла. И все, естественно, знают главное правило обхода запретов: если очень хочется, то можно.

Бабка была очень совестливой женщиной. Несокрушимая вера в уложения, оставленные мудрыми предками, не раз удерживала ее от дурных поступков, и к старости Скипидарья абсолютно освободилась от недобрых или корыстных желаний. Перед ней встала другая перспектива – прельститься добром. Но гадалка нашла в себе силы не творить непосредственного добра.

Дело пророчицы – предсказывать. То есть говорить. Предупреждать. Остерегать. Дело обратившегося к гадалке – прислушаться. Горе той ворожее, кто встанет из-за гадательного стола и пойдет собственноручно исправлять несправедливости этого мира.

«Кому велено чирикать, не мурлыкайте!» – напутствовал древний поэт. Скипидарья свято соблюдала этот наказ.

Но особенные обстоятельства требуют особенных решений. Странники из иного мира попали в плен к боялину Драндулецкому. Бабка опасалась любого решения, которое примет Станислав, распоряжаясь судьбой близнецов.

Продержит долго – обозлит. Прикажет умертвить – может произойти вселенская катастрофа. Тьма, тьма ответвлений будущего таилась в этих пришельцах! Огромные запасы природной силы, сопоставимые с мощью Солнца-Ярилы! Воистину, гадалке захотелось потерять свой дар, чтобы не видеть неизъяснимой опасности, излучаемой Иваном да Егорием свет Василичами. Не буди лихо, пока оно тихо.

Именно из этих соображений старушка промучилась ночь в раздумьях, потом в кои-то веки выбралась из дома и отыскала сорванца Шарапку. Расчет ворожее был точен – где еще болтаться беспризорнику, как не на рынке.

Парнишка побаивался Скипидарью, хотя и восхищался ее прорицательской силой. Мальцу казалось, что бабка обладает источником легкого заработка и в деле гадания не существует сколь-нибудь больших усилий. Шарап, разумеется, ошибался. Просто не пришло время взрослого суждения.

– Не робей, – велела бабка, заметив чумазое личико босяка, спрятавшегося между купеческими лавками.

Мальчик вышел на свет.

– Вот тебе копейка. – Скипидарья кинула парнишке монетку, тот ловко поймал. – Это волшебная денежка. Если ты не выполнишь моего поручения, то у тебя отрастут ослиные уши и слоновий хобот.

Ты станешь первым жителем Тянитолкаева, который примирил в себе два начала, хихи. Слушай, что нужно сделать...

Через пять минут Шарапка шлепал по лужам к терему Драндулецкого.

– Мне бы господину дяденьке боялину важное передать, – выдохнул запыхавшийся мальчонка слуге, открывшему дверь.

– Гуляй мимо, босота! – беззлобно погнал сироту мужик.

– Очень важно, – не унимался Шарап. – Касаемо двух иноземных витязей, кои гостят у... Ай-ай!

Слуга поймал паренька за ухо и втащил внутрь. Потом они проследовали по коридорам в гостиную, где трапезничал Станислав.

– Кого это ты приволок? – недовольно спросил он.

– Щенок упомянул наших, э-э-э, гостей. Сказал, что имеет важные сведения. Драндулецкий смерил чумазого сорванца взглядом:

– Говори, дитя.

Шарапка неуклюже поклонился:

– Доброго здоровьичка, господин дяденька боялин. Я два дня был с дяньками витязями Иваном и Егорием. Слушал их беседы. Народ бает: они злопыхатели. Вот я и подумал, что твоему величеству пригожусь.

– Похвально, похвально, – прочавкал Станислав, обгладывая куриную ногу. – Продолжай.

Малец проглотил слюну и затараторил:

– А еще молва идет о драконе, так я думаю, неспроста это все так сложилось причудливо, ведь один из дяденек витязей – умелый драконоборец. Он как есть десяток змиев изничтожил, но секретничает. Не принято, мол, похваляться, иначе удача отвернется, а так очень силен, очень. И любого дракона грозился заломать, ибо знает суровую науку побеждать. Я ж токмо из-за этого к тебе, господин дяденька боялин. Близехонько змей. Сказывают-де, вечер доносился до стен славного Тянитолкаева рык, холодящий кровь, да зарево алое понад лесом подымалось. Не иначе к нам идет!

– Так ты предлагаешь одного супостата на другого натравить? – хмыкнул Драндулецкий. – Изрядно, изрядно. Не перевелись еще на нашей земле сметливые хлопцы. От горшка три вершка, а уже превосходные козни строишь. Определи тебя при конюшне. Иди.

Шарапка опять поклонился и ощутил, что слуга вновь завладел малиновым ухом.

Боялин неторопливо занялся слабеньким пивом, размышляя над словами босяка. Действительно, один из немчурийцев имел сугубо богатырскую внешность. Силищи немерено, это ясно. Ухайдакает змея – отлично. Погибнет – немчурийцем меньше.

Что там кричал Полкан? Вдруг они не хитрые подсылы, а честные послы? Почему же тогда они до сих пор не заявили о цели прибытия? Почему пешие? Где их верительные грамоты? Странно все это. Таких лучше в расход.

Станислав потер шишку на лбу. Пришла пора дневного заседания думы. Драндулецкий приоделся и прибыл в главный терем.

У боял, присутствовавших в зале, наличествовали обильные признаки вчерашнего пленарного совещания. Кое-кто красовался с белой повязкой на лице, некоторые перебинтовали руки-ноги. Часть думцев вовсе не добралась до места работы.

Хворума не было.

Явился Полкан Люлякин-Бабский с расцарапанным лицом. Станислав гордо поглядел на свои длинные ногти: «Будет знать, осел!»

О вчерашнем никто не говорил. Лысоватый боялин из фракции слонов, исполняющий обязанности главного счетовода, встал и произнес краткую речь:

– Собратья! Нынешнее заседание не состоится по причине малости нашего числа. До завтра.

Лысоватый сел на скамью.

– Отдай немчурийцев! – пробасил Полкан.

– Кукиш тебе, – огрызнулся Станислав.

– Душу из тебя вытрясу.

– Князю пожалуюсь!

– Бояле! – Счетовод снова вскочил на ноги. – Помилосердствуйте! Пусть все останется по-прежнему до приезда князя Световара.

– Столковались, бестии хоботастые! – проорал Люлякин-Бабский. – Вам это зачтется.

Он величественно удалился, демонстрируя полную нравственную победу над противником.

– Пусть петушится, – сказал Драндулецкий, в этот самый момент окончательно склоняясь к мысли, что необходимо воспользоваться советом Шарапки: «Устами младенца глаголет истина. А победителей не судят».

Поспешив домой, он спустился в подвал, где томились дембеля.

– Слушайте меня внимательно, погубители земли тянитолкайской, – начал он. – Погибелью моей земле грозит не только ваше присутствие. Куда страшнее дракон, коего надлежит извести как можно скорее, ибо он приближается к столице. Разрушения и жертвы нам ни к чему. Поэтому один из вас отправится на бой с драконом. Да, это будешь ты, здоровяк. А второй для верности останется у меня. Малейший намек на неповиновение, богатырь, и я прикажу умертвить твоего красавчика-брата. Вы шли к нам с вредоносными намерениями, так принесите же пользу.

От такой перспективы близнецы потеряли дар речи. Даже ловкий на язык Иван растерял остроумие.

– Выдвинешься завтра утром. Советую выспаться, – сказал боялин Станислав и покинул узников.

Молчаливые охранники оставили похлебку, простоквашу, вареное мясо и лепешки.

– Как на убой, – заметил ефрейтор, но с превеликим удовольствием накинулся на еду. Старшой тоже подкрепился. Затем стали мозговать, что делать с новой напастью.

Егор был, по обыкновению, предельно прямолинеен:

– Завтра меня раскуют. Я перебую стражников, освобожу тебя, и дерганем отсюда к этому, как его там, Борамблеру.

– Бояндексу, – уточнил Иван. – Хорошо бы твоему плану сбыться. Я не настолько оптимист, чтобы в него поверить. Если я не ошибаюсь, Драндулецкий подстрахуется, и твоя затея провалится. Давай предположим, что тебя все-таки выпроводили к дракону. Что ты можешь сделать? Тихо вернуться и прокрасться сюда. Либо пробиться с боем. Думаю, стоит им тебя заметить, и меня тут же прикончат. А жить хочется. Но не драться же тебе с драконом! Тут поди такие Горынычи водятся – Годзилла отдыхает. Поэтому, брат, не рискуй. Попробуй пробраться ко мне, а не получится – беги. А вообще, отставить, ефрейтор Емельянов! Сразу беги. Я везучий, я выкручусь.

Младший близнец упрямо засопел. Не из тех он людей, кто так поступает.

– Да пойми ты, – принялся убеждать его Старшой. – Дракону в дыню не треснешь. А если дотянешься, он всего лишь разозлится.

– Ковер покажет, – буркнул Егор.

– Братан, посмотри мне в глаза, – взмолился Иван. – Нас дома ждут. Мамка. Отец. Бабка с дедом. Ты о них подумай. Если никто из нас не вернется...

Он не договорил, все было ясно без слов.

После долгого молчания Емельянов-младший сказал:

– Держи хвост пистолетом. Нечего раскисать. Завтра все зарешаем.

И близнецы занялись всяческой ерундой, благо, с этим делом ни у кого затруднений не возникает. Они травили анекдоты с дембельскими байками, потом горланили песни – сначала настоящие, а там и до переделок добрались. С особенным воодушевлением пошла старая:

И снится нам не рокот космодрома,
Не эта ледяная синева,
И даже не трава, трава у дома,
А бабы, бабы, бабы снятся нам!

И то верно, о чем еще было мечтать на далекой зауральской базе, где из женщин только жены офицеров? А теперь вот вместо домашних гулянок с девчатами – скромные посиделки с кандалами на руках-ногах.

Стали вспоминать службу. Невольно всплыло имя капитана Барсукова – знаменитого своей упертостью и косноязычием командира роты. Именно ему принадлежали классические фразы наподобие «Освежите в памяти», «Поставить на вид и в неудобное положение» и наконец феерическое изречение: «Портянки, намотай себе на ус, изобретены не для того, чтобы ты босой теперь перед старшим по званию!»

Начал Егор:

– Ну, ты помнишь, как Барсукова клинило на гигиене? Заловил он в столовке Ермека Абишева. Орет: «Когда, я вас учил, надо мыть руки?» Ермек ему: «До еды». А этот: «Не до еды, я сказал, а перед едой!»

Иван не остался в долгу:

– Да, казахов он наших гонял. Наверное, личное что-то. Мне ребята другую историю травили. Якобы несколько лет назад капитан выстроил взвод, который сорвал сроки отправки груза по железке, и заявил: «Давненько хотел довести до твоего сведения стихотворение типа басня». После чего рассказал «Квартет», но в каждую строчку умудрился вставить не менее трех матов. Я сам пробовал. Не получается. Выходит, Барсуков у нас – талант.

И хотя все эти байки были перетряхнуты не в первый раз, а кости командиров перемыты еще в армии, ребята с удовольствием тратили время. Лучше уж вспоминать глупые анекдоты, замешанные на вранье, чем заикливаться на сумасшедших проблемах, поставленных маньяком-боялином.

Запели по второму кругу. Тематика опять постепенно съехала на взаимоотношения с противоположным полом.

– И вновь продолжается секс, и сердцу тревожно в груди!.. – самозабвенно вопили близнецы.

Потом Старшой вспомнил про шизанутую газету. Почитали оттуда, поржали всласть:

ШЕСТВИЕ-ПРОИСШЕСТВИЕ. Массовой дракой участников закончился марш во имя примирения и согласия.

АВАРИЯ. Узкопопая девочка послужила причиной засорения канализационной системы.

СКАНДАЛ В ТЕАТРЕ. Пьяный суфлер подсказывал Гамлету матерные частушки!

И не сказать, чтобы уж очень забавно спятили «Алименты и Артефакты», просто бывает у людей такое состояние, в котором лучше смеяться, иначе придется плакать.

– Не к добру ржем, – заметил Егор.

– Фигня, – отмахнулся Иван. – Зацени, тут еще статья про осенний призыв...

Так и пролетел день в застенках неведомого мира.

На закате, когда в камерке стало совершенно темно, узников посетил охранник. Он заменил кадку для нечистот и принес пару кружек медовухи.

– Выпейте, ребята. Одному из вас завтрачко на погибель отправляться.

– Спасибо, – язвительно сказал Иван. – Ты тоже живи долго и счастливо.

Охранник удалился. Старшой хотел было вылить хмельную жидкость, но Егор произнес тост:

– Давай, братка, за то, чтобы мы выпутались.

Медовуха чуть горчила, но откуда здесь нормальная выпивка?

Скипидарья триста раз пожалела, что решила вмешаться в ход событий. Весь день она с нетерпением ждала Шарапку, а тот все не шел. Гадание не клеилось. Карты пророчили сущую ерунду, внутри хрустального шара клубилась серо-буро-малиновая пелена. Бабка просила посетителей зайти завтра, потому что не привыкла халтурить. Честность – вежливость прорицательниц.

Второй день стояла пасмурная погода. Скипидарья раздвинула занавеску и несколько часов проглядела в окно. Дождевые подтеки превратили двор в набор разноцветных пятен, но старушка рассматривала совсем не их. Ее особый взор метался по неведомым лабиринтам, ведущим в будущее, неизменно натываясь на тупики.

Из волшебного поиска ее вывел звонок колокольчика.

На пороге топтался Шарапка. С красным ухом, зато счастливый.

– Бабушка гадалка, меня в дом боялина взяли! Конюху помогать, – похвастался он, зайдя в прихожую.

– Рада за тебя, – улыбнулась ворожея. – Все сказал, как я велела?

– Все, бабушка!

– Ну-тка, передай весь разговор с Драндулецким, – велела Скипидарья, усадив гостя за стол.

Малец добросовестно воспроизвел беседу, снабдив ее красочными подробностями. Бабка подалась вперед:

– Шарап, сейчас я задам тебе очень важный вопрос и прошу тебя, будь честным. Когда ты рассказывал про змееборца, ты назвал имечко? Ты дал боялину понять, кто именно умеет воевать с драконами?

Щеки паренька загорелись, глаза округлились, он вжал вихрастую голову в худые плечи:

– Не казни, бабушка, забыл! А ведь ты дважды повторила про Ивана-то!

Шарапка разревелся. Он считал себя самым ничтожным из глупцов. Так подвести добрую ворожею!

Скипидарья гладила мальчишку по голове и ругала себя последними словами.

Вот и вмешалась, старая мотыга. Змия будет воевать не удачливый красавчик, а несчастный увалень.

Глава шестая

В коей один брат идет воевать с драконом, а второй сидит в темнице, но тоже не скучает

В каждом положении отыщется что-нибудь утешительное, если хорошо поискать.

Д. Дефо

Боялин Люлякин-Бабский не любил проигрывать. После несостоявшегося заседания он сидел дома и хандрил. Была у него такая особенность: если что-то не задалось, он впадал в болезненно возбужденное состояние до тех пор, пока не отыскивал приемлемое решение проблемы.

Как ни крути, а Станислав Драндулецкий утер ему нос. Это злило. Наглая выходка соперника требовала соразмерного ответа. Полкан бродил по комнатам, размышлял и учинял небольшой погром. Не так стоит стул? Уронить его. Замечена пыль на комод? Натыкать слугу носом. Заявл цветок? Перевернуть горшок, рассыпать землю по коврам. Боялин раскидал по кухне кастрюли (не так стояли), выпотрошил три сундука (слишком много ненужного барахла) и выпорол служку (неопрятно одет). На языке Люлякина-Бабского эти мероприятия назывались наведением порядка.

Полкан не буянил. Все происходило по-деловому. В такие минуты жена предпочитала от него прятаться. Честно говоря, она вообще старалась лишний раз не показываться на глаза мужу. Его это устраивало.

Наведя порядок, Люлякин-Бабский выпил полкружки вина и почувствовал себя успокоившимся.

Развалившись в кресле, за огромные деньги купленном у иностранного купца, боялин принялся скрести рыжий затылок, стимулируя работу интеллекта. На полном лице появлялись то улыбка, то гримаса ненависти, то выражение спокойной уверенности.

Хлопнув себя по круглому пузу, Полкан произнес:

– Так. А ведь на терем Драндулецкого совершат нападение. Ох, совершат... Он же, поганец, к войне ведет. А мы послов вытащим, отмоем, извинимся, одарим, заболтаем... Гоже ли немчурийское нашествие допустить? А ну как натравит на нас кайзер латунское воинство? Мы закованным в железо рыцарям ничего не противопоставим. Не готовы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.